

А. Б. ШИРОКОВА Д

УТЕРЯННЫЕ
ЗЕМЛИ
РОССИИ
ОТКОЛОВШИЕСЯ
РЕСПУБЛИКИ

Александр Широкоград

**Утерянные земли России.
Отколовшиеся республики**

«ВЕЧЕ»

2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Широкорад А. Б.

Утерянные земли России. Отколовшиеся республики /
А. Б. Широкорад — «ВЕЧЕ», 2007

Новая книга военного историка А.Б. Широкорада посвящена отношениям России с бывшими союзными республиками, ставшими в 1991 году независимыми государствами. Речь идет об Украине и Белоруссии, Молдавии и Приднестровье, республиках Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. Некоторые из земель, принадлежащих ныне этим странам, были еще в IX–XI веках частями Древнерусского государства, другие были присоединены к России в XVII–XIX веках. Как и почему они вошли в состав России? Какие перемены произошли в них за время «пребывания» в нашем государстве? Почему в 1918–1922 годах одни территории развалившейся империи остались областями и автономными республиками, а другие получили статус союзных? Почему большевики запретили упоминать в прессе и научных трудах о межнациональных войнах 1918–1921 годов и почему подобные кровавые конфликты вновь вспыхнули с конца 1980-х годов? Автор книги дает свои, в некоторых случаях неожиданные ответы на все эти вопросы.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Широкорад А. Б., 2007
© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Раздел I	5
Вместо предисловия	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Широкоград

Утерянные земли России.

Отколовшиеся республики

Раздел I

Украина и Белоруссия

Вместо предисловия

Определение истории, как политики, опрокинутой в глубь веков, весьма актуально во всех независимых государствах, трансформировавшихся из советских республик в 1991–1992 гг.

Особенно это актуально для Украины и Белоруссии. Начинать историю украинцев и белорусов с Ленина или даже с Екатерины Великой – это значит заранее обречь на провал все исследование.

Сейчас «незалежные» историки обеих стран развернули жестокую баталию за события I тысячелетия нашей эры. Нет, я вовсе не преувеличиваю! Оказывается, на Украине в это время жили племена укров, потомками которых и являются нынешние «щирые украинцы». А в Белоруссии жили племена литвинов, от которых, соответственно, и пошли настоящие белорусы, не в пример батьке Лукашенко и К^о, которые являются замаскированными русскими.

Я упомянул лишь о двух самых модных теориях, но их в упомянутых республиках доморощенные историки создают десятками. Всех их объединяет одно – предки нынешних украинцев и белорусов никогда не имели ничего общего с русскими, ни в XV веке, ни в VII веке.

Поэтому, чтобы понять события XXI века, нам придется отправиться в глубь веков, на тысячу и более лет назад.

Глава 1

Русы и Русь

В 1982 г. генсек Леонид Брежнев сделал очередной подарок Украине – устроил торжества по поводу 1500-летия основания Киева. Киев-де основал некий Кий вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью. По сему поводу «дорогой

Леонид Ильич» появился в Киев, вдоволь нацеловался с товарищем Щербицким и прочими представителями местной партноменклатуры, выступил с очередной «исторической речью» и благополучно убыл в Москву.

Спору нет, был миф о Кие, и он вошел в «Энциклопедию мифов» (Москва, Советская энциклопедия, 1980 г.). «Кий – герой восточнославянских мифов». Но русский летописец относит основание Киева к 854 г.

Лучший советский специалист по древней Руси профессор В.В. Мавродин писал: «Раскопки древнего Киева обнаружили на территории города три древнейших поселения VIII–IX вв., не представлявших собой еще единого центра. Эти три поселения, расположенные на Щековице, на горе Киселёвке и на Киевской горе, три городища дофеодалного Киева, по преданиям, записанным летописцем, связывались с Кием, Щеком и Хоривом. Они не покрывались общим названием “Киев” и только к концу X в. одно из них, расположенное на Киевской (Андреевской) горе, втянуло в орбиту своего влияния все остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр»¹.

Постепенно Киев все более «старел» в трудах советских историков. И вот уже в Большой Советской энциклопедии (1973 г.) говорится, что Киев был основан в VI–VII веках. Не прошло и 10 лет, как Брежнев велел считать датой основания Киева 482 год – не больше и не меньше. Какие основания? Да, собственно, никаких. С 1945 по 1982 г. не было сделано никаких археологических открытий, не было найдено ни одного древнего документа, подтверждающих основание Киева в V веке. Понятно, считать одну (!) византийскую монетку времен византийского императора Юстиниана, найденную (или подкинутую?) в районе Киева серьезным доказательством древности Киева, более чем смешно. Итак, «V век» – просто подарок генсека.

Киевские ученые мужи немедленно объявили, что князья Аскольд и Дир (IX в.) – прямые потомки Кия. Таким образом, с V по IX век в Киеве княжила династия Кия. Но, увы, соседни-византийцы ничего о княжестве, Кие и его потомках не знали, хотя Днепр в V–IX веках был большим торговым путем, заканчивавшимся в Константинополе.

Тут, правда, у «самостийных» историков была маленькая зацепка – труд польского историка Яна Длугоша, где говорится, что Аскольд и Дир – потомки Кия. Но Длугош ничего не говорит про V век, а еще хуже – именует Кия... польским князем², потомком знаменитого Леха. Кстати, тот же Длугош упоминает о древней славянской легенде, повествующей о родных братьях Леха Чехе и Русе. Естественно, эта легенда не имеет под собой никаких реальных оснований, но зато показывает историкам память народов о том, что когда-то поляки, чехи и восточные славяне были одним братским народом.

Однако нынешние самостийники никак не хотят иметь общих предков с русским народом. Поэтому и было придумано два десятка вариантов появления украинского народа, начиная с переселенцев с Венеры, выходцев с Атлантиды и прочая, и прочая. Они-то и стали великим украинским народом, но держали это в секрете и во всех документах писали, что они – русские. А вот позже какие-то москвиты – «смесь угро-финнов с монголами» – без каких-либо оснований украли это название у украинцев. Так появились «россияне». Между прочим, такой же версии придерживаются и националисты других стран – Беларуси и прибалтийских

лимитрофов. Только прибалты не поминают о происхождении русских от угро-финнов, дабы не иметь с русскими общих предков.

Что же говорят отечественные и зарубежные письменные источники и данные археологических раскопок о появлении «русов»?

В лето 6370³ от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске...

....И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?” Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»⁴.

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел, а князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот-де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б.А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским из семьи мелкого датского конунга, владевшего местечком Дорестад во Фрисландии.

Полное имя Рюрика Herraud-Hrorekr Ludbrandson Srgnjotr Thruvar (Геррауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Он происходил из скандинавского рода Скъелдунгов.

Теперь возникает вопрос: а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 г. огромным для нынешнего времени тиражом в 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии – Россия)»⁵. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Милларда, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков⁶. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плаванье на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, адвигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем – с его владениями и его подданными.

В IX–XI веках многие десятки отрядов норманнов (варягов) приезжали на Русь, часть из них следовала без остановки по знаменитому пути «из варяг в греки», а часть нанималась на службу к русским князьям. Прослужив какое-то время, часть из них возвращалась в Скандинавию, а многих привлекали полноводные реки, могучие леса, красивые славянские девушки, и они оставались, чтобы вместе с местным населением рубить города и громить врагов. Они-то и стали, неважно, в какой пропорции, основой великого народа русского.

Археологические раскопки подтверждают факт основания варягами ряда городов на Руси. Их ставили на пути «из варяг в греки» и на Великом Волжском пути (с Балтики до Каспия). Так, в VIII веке варяги основали город Ладогу (в настоящее время – райцентр Старая Ладога). Согласно скандинавским сказаниям, город Aldeigja (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII века на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержавшие 467 сереб-

ряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившимся недалеко от современно Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

Был и другой путь с Балтики на Волгу – через Новгород. Из Ильмень-озера варяги выходили в реку Мству, а у Вышнего Волочка волоком тащили суда в реку Тверцу. Тверца же впадает в Волгу у нынешней Твери.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800—1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х годах XX века на территории углического кремля было найдено захоронение X века с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце

VIII века, а прекратило свое существование в самом начале XI века. Рядом с поселением обнаружено свыше четырехсот курганов. Любопытно, что среди раскопанных курганов есть как норманнские, так и славянские захоронения, а также захоронения племен, близких к угрофиннам. В Тимереве найдено несколько кладов с тысячами арабских монет, самая древняя датирована 867 г. К сожалению, большинство монет расхищено.

Кроме Тимерева норманнские поселения и клады арабских монет обнаружены в районе Михайловки, Петровского и в других районах верхней Волги.

Много поселений основали варяги и на пути «из варяг в греки». Самым крупным считается так называемое Гнездовское городище. Археологи еще в XIX веке обнаружили большой город у села Гнездово в 12–15 км от современного Смоленска. Гнездовское городище было защищено земляным валом. Рядом расположено свыше двух тысяч курганов с захоронениями в большинстве случаев варяжского типа. Археологи считают, что Гнездовское городище возникло в начале

IX века, а с начала X века жизнь в нем постепенно стала гаснуть. В конце же IX века там проживало 4–5 тысяч жителей, в основном воинов и купцов.

Согласно «Повести временных лет», князь Олег захватил в 882 г. Смоленск. Однако советские археологи так и не смогли найти в Смоленске культурного слоя IX – X веков⁷.

В свою очередь, ни в одной русской летописи не упоминается Гнездовское городище или иной город, расположенный рядом со Смоленском. Это дает основание полагать, что Гнездово и есть древний Смоленск, а в конце X – начале XI века город был перенесен на другое место. Кстати, перенос города – довольно типичное событие для Средневековой Руси. Так, к примеру, на новые места были перенесены Тверь, Белозерск и другие города.

Варяги, осевшие на Руси, как правило, обрусевали уже во втором поколении. Для нового поколения русский язык становился родным, да и имена у них были славянские. Увы, до нас не дошли семейные предания обрусевших варягов. Но мы можем это понять на многих примерах служилых немцев, шотландцев и др. в Москве в XVI–XVIII веках. Вот, к примеру, при царе Алексее Михайловиче в Москву приехал служить немец Цыклер, а его сын Иван настолько обрусел, что участвовал в бунте против Петра и его немецких порядков, за что и был казнен царем.

Есть народы, склонные к быстрой ассимиляции, и наоборот, известны случаи, когда отдельные племена столетиями упорно не желают ассимилироваться с подавляющим большин-

ством местного населения. Обычно такие случаи кончаются серьезными этническими конфликтами, ответственность за которые сейчас стало модно сваливать с больной головы на здоровую, то есть на коренное население, составляющее абсолютное большинство. Норманны же очень быстро ассимилировались, и не только в славянских землях, но и в Англии, Франции, Италии и др.

Если норманны и превосходили славян в военном искусстве, то в остальном они стояли на более низком уровне развития и быстро перенимали элементы славянской культуры. Норманны в Византии и Западной Европе довольно быстро меняли свою религию на христианство, а в Новгороде и

Киеве – на славянских богов. Кстати, пантеоны скандинавских и наших богов были довольно схожи. В договорах с Византией варяжский князь Олег, ближайший сподвижник Рюрика, клянется не скандинавскими богами Одином и Тором, а славянскими Перуном и Велесом.

Невысокий культурный уровень варягов-норманнов и их быстрая ассимиляция дали мощные козыри в руки историкам-антинорманистам. С последними можно согласиться в том, что варяги практически не оказали никакого влияния на быт, обычаи, культуру, религию и язык славян. Однако в политике и особенно в военной истории славян варяги сыграли весьма существенную роль.

А теперь мы вернемся к «рюриковым боярам» Аскольду и Диру, которые, согласно летописи, отпросились у Рюрика в Царьград, но не доехали до него, а остановились в Киеве.

В 882 г. Олег собрал войско из варягов и славян и двинулся из Новгорода на ладьях на юг. Как сказано в летописи, «приде к Смоленску и прия град и посади муж свои, оттуда поиде вниз и взя Любеч, посади муж свои». Перевести это, видимо, следует так: Смоленск сдался Олегу без боя, а Любеч пришлось штурмовать, и в обоих городах Олег оставил свои гарнизоны.

Подплывая к Киеву, Олег велел замаскировать свои ладьи под купеческие суда. Часть воинов изображала гребцов, а большинство легло на дно ладей. Ладьи пристали у Угорской горы, оттуда Олег послал гонцов сказать киевским князьям, что они варяги-купцы и плывут из Новгорода в Константинополь. Аскольд и Дир с небольшой свитой вышли из города для осмотра товаров. Когда они подошли к ладьям, оттуда выскочили варяги и убили обоих князей. После этого Киев без сопротивления сдался Олегу.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Видимо, в летописи сохранилось какое-то воспоминание о подлинных исторических событиях, но в целом она малоубедительна.

Начнем с личностей Аскольда и Дира. Патриарх советской исторической науки академик Борис Александрович Рыбаков писал: «Личность князя Дира нам не ясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Аскольду, так как при описании их, якобы совместных, действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц»⁸.

Как видим, и время, и должность заставляют академика прибегать к осторожным формулировкам.

Историк же Юрий Александрович Сяков отождествляет предводителя отряда скандинавских наемников на службе у эмира Кордовы в первой половине IX века Аскольда аль-Дира с киевским князем Аскольдом. Арабский историк IX века Аль Накуби писал о набеге русов на город Севилью в 229/843—844 гг. А другой современник, Ибн Хазколь, писал о походе русов и славян в Андалусию. Так что версия Сякова вполне реальна. Вспомним того же Рёрика-Рюрика. Отслужив эмиру Кордовы, Аскольд аль-Дир южным путем через Византию или северным путем через Балтику и Новгород мог попасть в Киев.

Далее Ю.А. Сяков пишет: «Кто такой этот таинственный Дир, который по жизни следует за Аскольдом как тень, словно он его второе “я”? Пришлось немало времени потратить на поиски разгадки. Ответ оказывается простым. Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского *Dug, Djur* означает “зверь”. Вероятно, с этим прозвищем Аскольд вернулся в родную Ладогу после испанской эпопеи. Любопытный читатель может задать вполне естественный вопрос: при чем здесь готский язык? С какой стати ладожане должны разговаривать на готском языке?

Обратимся к истории. В VIII в. на обширном пространстве между Днепром и Доном существовало государство остготов. Под влиянием христианского учения, проповедуемого у них византийским епископом Ульфилоу, остготы растеряли свой воинственный пыл и за это поплатились. Они не смогли отразить нашествие гуннов. Одни племена готов под ударами свирепых гуннов ушли на запад, другие – на север. И мы знаем, что в древние времена Швецию называли Готией, и естественно, что колония скандинавов в многонациональной Ладоге при общении использовала не только местные наречия, но и свой родной язык, который был уже довольно обширно разбавлен славянскими и финно-угорскими словами. Аскольд был по происхождению готом, по рождению – ладожанином, а по профессии – воином. Кстати, его имя *Ashold*, или *Asholt*, в переводе с готского обозначает “честь ариев”. Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее предопределена»⁹. Так что зачислять Аскольда в «щирые украинцы» можно только в широко распространенных ныне романах-фэнтези, например, сделать его приятелем Гарри Поттера.

Итак, в Киеве был один князь – варяг Аскольд. Причем он никогда не был дружинником Рюрика, а был правителем Киева уже по крайней мере в конце 50-х годов IX века, то есть за несколько лет до явления на Руси Рюрика.

Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей»¹⁰ и тех победив...»

Согласно «Повести временных лет», Олег приказал убитого Аскольда похоронить в Киеве на горе. Над его могилой княгиня Ольга позже поставила деревянную церковь Святого Николая. Олег же сел княжить в Киеве, сказав: «Да будет он матерью городам русским».

Для русских историков стало традицией считать захват Киева Олегом в 882 г. датой основания древнерусского Киевского государства.

Земли Киевской Руси имели довольно слабые политические и экономические связи как со столицей, так и между собой.

Впрочем, это характерно и для других государств Европы конца IX века, таких, как, например, Западнофранкское и Восточнофранкское королевства, Великоморавское государство, Болгарское царство и др. Но до 1991 г. ни у одного серьезного историка не возникало сомнений, что у всех славянских племен, входивших в Древнерусское государство, был один язык, одни верования, и они были одним народом. Что же касается варяжского элемента в Киевском государстве, то большинство варягов ассимилировалось, а остальные, прослужив несколько лет у киевского князя, отправлялись служить в Византию, а в отдельных случаях возвращались на историческую родину.

Глава 2

Древнерусское государство

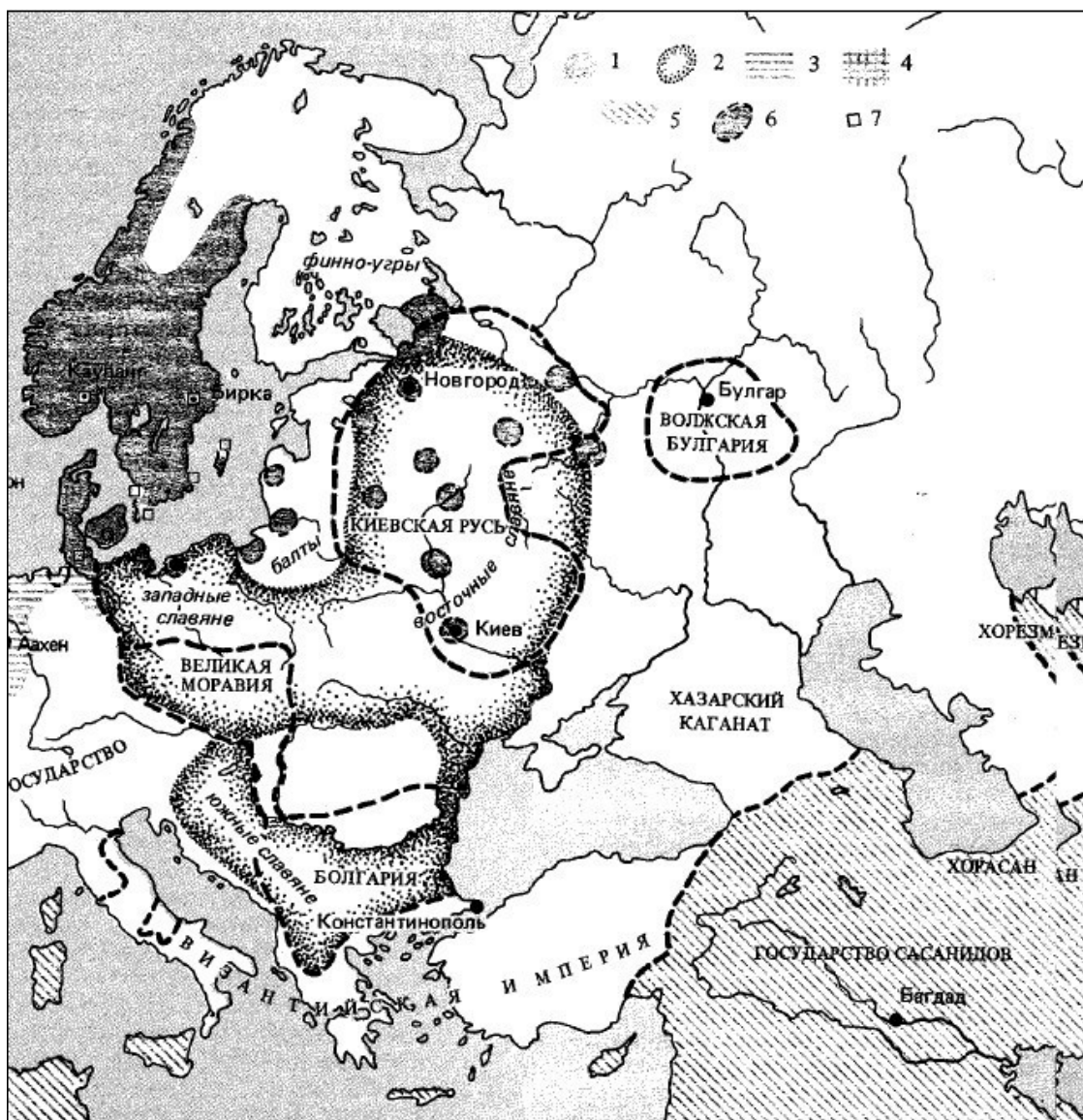
Мне меньше всего хотелось бы утомлять читателя пересказом истории Древнерусского государства, я лишь хочу привести ряд общеизвестных фактов, опровергающих творения самостийных историков.

Начнем с того, что термин Киевская Русь – это выдумка историков. В самом деле, ни в одном письменном русском и зарубежном источнике не упоминается государство с таким названием. Везде говорится о Руси, Русском государстве и т. д. Лишь в XVIII–XIX веках наши историки выдумали термин «Киевская Русь». Им попросту понадобилась метка для обозначения Русского государства IX–XII веков, чтобы не путать его с Русским государством со столицей Москва.

Таких меток, являющихся антинаучными терминами, у наших историков более чем достаточно. Возьмем, к примеру, термин «древний боярский род» в применении к Московскому княжеству. Боярство – чин, присваиваемый великим князем, а позднее – царем за те или иные заслуги, как позже стали присваивать чин генерала или статского советника. Но никому не приходит говорить, что, скажем, Сидоров происходит из древнего генеральского рода. Сын генерала мог кончить карьеру в чине полковника или даже поручика, равно как и сын боярина мог дослужиться до чина стольника или даже рынды (в бою убьют или за пьянство со службы выгонят). Тем не менее термин «боярский род» стал удобной меткой и применяется в нашей истории, и я сам, каюсь, им иногда пользуюсь.

Так вот метка «Киевская Русь», неосторожно введенная русскими историками, стала козырной картой самостийников, превративших Русское государство IX–XII веков в украинское государство «Киевская Русь».

Русский летописец утверждал, что Русская земля «.до Венгрии, до Польши и до Чехии; от Чехов до Ятвягов [пруско-литовское племя] и от Ятвягов до Литвы, до Немцев и до Карел, от Карелии до Устюга... и до Дышючего моря [Ледовитый океан]; от моря до Черемис, от Черемис до Мордвы – то все было покорено великому князю Киевскому Владимиру Мономаху...»¹¹.

Народы и государства Европы и Передней Азии в IX–X веках. 1 – скандинавские племена, 2 – славянские племена, 5 – арабские халифаты, 6 – археологические комплексы скандинавского происхождения (IX–X веков), 7 – археологические комплексы славянского происхождения в Скандинавии (Из книги «*Wikinger und Slawen*, Berlin: Akademie-verlag, 1992)

И на таком огромном пространстве был единый народ с единым языком, письменностью, религией, культурой и системой власти.

К началу правления князя Владимира Святого на Руси установилось единовластие князей Рюриковичей. Естественно, что до прихода Рюрика на территории Руси существовали десятки местных князей, правившие отдельными племенами или даже племенными союзами. Рюриковичи их всех убили, заставили бежать за пределы Руси или, в лучшем случае, сделали их своими подданными, заставив забыть о своем происхождении.

Русские летописцы обычно не акцентировали внимание на войнах Рюриковичей с местными князьками. Исключения крайне редки: убийство Ольгой, вдовой князя Игоря, древлянского князя Мала и убийство Владимиром Святым полоцкого князя Рогволода.

После Владимира Святого в письменных источниках нет упоминаний о каких-либо князьях на Руси, не относившихся к роду Рюриковичей, нет упоминаний и о боярах и дружинниках, ведущих свой род от каких-либо местных князей.

Рюриковичи будут безраздельно править всей Русью до середины XIV века, а потом в южной и западной Руси уступят власть потомкам литовского князя Гедимина.

Любопытно, что у Рюриковичей до XV века преобладала горизонтальная система наследования власти, при которой престол переходил не от отца к старшему сыну, а от старшего брата к следующему по старшинству брату. Представим себе, что в Киеве правил старший брат Иван, в Смоленске – средний брат Петр, а в Вязьме – младший брат Федор. Умирает Иван, и его стол в Киеве занимает не старший сын Александр, а средний брат Петр. На место Петра в Смоленск едет младший брат Федор, а на место Федора в Вязьму спешит старший сын покойного Ивана Александр.

Такая система наследования имела много преимуществ по сравнению с вертикальной. Так, многие князья умирали в молодом возрасте, и сын-подросток, а то и младенец, не мог самостоятельно править княжеством. Естественно, что средний брат – опытный воин и политик – был лучшим правителем княжества.

Смена князей не всегда происходила в связи с их смертью. Довольно часто князей сгоняли со «столов» собратья-Рюриковичи или даже горожане. Понятно, что такие эксцессы увеличивали «миграцию» князей.

Замечу, что уже Владимир Святой где-то между 980 и 986 гг. разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава в Полоцк, Святополка в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001 и 1010 гг. умерли своей смертью два старших сына Владимира – Вышеслав и Изяслав. В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов якобы Борис из Муромы, а на его место Глеб, Святослав – к древлянам, Всеволод – во Владимир Волынский, Мстислав – в Тмутаракань (в Крыму).

А вот, к примеру, биография князя Ростислава Мстиславича (около 1110–1167). В 1125 г. он стал смоленским князем, с 1153 г. – князем новгородским, с 1154 г. Ростислав – великий князь в Киеве, откуда в 1155 г. он был выбит князем Изяславом Давидовичем и бежал в Смоленск. С 1157 г. Ростислав вновь княжил в Новгороде, с 1159 г. он опять на великом княжении в Киеве, в 1161 г. выбит из Киева и бежал в Белгород. В 1161 г. Ростислав в третий раз занял киевский престол, и на сей раз пожизненно. И, надо сказать, биография Ростислава Михайловича типична для XII века.

Надо ли говорить, что князья Рюриковичи не были похожи на чиновную номенклатуру XXI века, которую кремлевский хозяин постоянно тасует по регионам и которая очень часто даже не берет с собой семей, отправляясь из Нижнего Новгорода, скажем, в Хабаровск. Князья же переходили на новый стол обязательно с дружиной и административным аппаратом (боярами, тиунами и т. д.), а те, в свою очередь, брали семьи, слуг и др.

Таким образом, по территории Руси (то есть по территориям современных Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Прибалтики) в X–XIV веках почти ежегодно перемещались из одного города в другой тысячи людей. Такая ротация автоматически способствовала развитию языкового, культурного и, как ни странно, политического единства Руси. Пусть один князь Рюрикович уходил, но на его место приходил его близкий или дальний родственник.

Увы, вместо единой Руси самостийники подсовывают нам какую-то федерацию из украинских земель и славянизированных угро-финнов. Причем последние регулярно нападали на мирных украинцев. Так, взятие Киева в 1169 г. князем Андреем Боголюбским в трудах «щирых» историков представляется как агрессия москалей против украинцев. На мой взгляд, комментировать такие перлы – дело не историков, а психиатров.

Русское государство в конце X века отличало и единство религии. Еще в начале своего княжения Владимир Святой попытался реформировать пантеон славянских богов и сделать язычество государственной религией. Потерпев в этом неудачу, князь в 988 г. принял христи-

анство и крестил Русь. Сам Владимир получил христианское имя Василий, однако и современники, и потомки помнили только его языческое имя.

Христианизация Руси шла довольно медленно и затянулась почти на два века, но сопротивление этому было связано с языческими верованиями, а не с какими-то национальными особенностями жителей Новгорода, Полоцка, Ростова и т. д. Церковное управление на Руси было жестко централизовано, служители церкви подчинялись киевскому митрополиту. Церковная централизация и миграция духовных лиц также способствовали сплочению единой страны.

На каком же языке говорили на Руси в IX–XIII веках? Естественно, на украинском – отвечают нам самостийники. Правда, в вопросе, откуда взялся украинский язык, в кругах творческой интеллигенции единства нет. Одни считают, что это язык древнего племени укров, от которых и пошло название «украинец», другие утверждают, что это язык атлантов, третьи грешат на Венеру – не богиню, а планету, разумеется. Нет! Нет! Я не шучу! А может, это выдержки из «форумов» Интернета? Нет. Это вроде бы серьезные, массовые издания: «Украинский язык – один из древнейших языков мира... Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком». (Украинский язык для начинающих. Киев, 1992). «Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке» (Гнаткевич Э. От Геродота до Фотия // Вечерний Киев. 26 января 1993 г.). «Вполне возможно, что украинская лексика... несла терминологические, колонизационные, жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории... Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита... Украинский язык – допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков» (Чепурко Б. Украинцы // Основа. Киев, 1993. № 3). «Украинская мифология – наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков» (Планинда С. Словарь древнеукраинской мифологии. Киев, 1993). «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык “сансар”, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?» (Братко-Кутынский А. Феномен Украины // Вечерний Киев. 27 июня 1995 г.).

Ну ладно, на каком языке говорил Ной – вопрос спорный, пусть даже на украинской мове. Ну а русские в Киеве в IX–XIII веках? Ведь остались же книги, берестяные грамоты, надписи на иконах, стенах храмов и другие «граффити». Увы, нигде нет намека на украинский язык. Все надписи сделаны на старославянском (древнерусском) языке.

До 1990 г. ни один серьезный ученый, в том числе и на Украине, не сомневался, что в Киеве, равно как и в Новгороде, говорили и писали на одном и том же языке. «Таким образом, на момент принятия христианства и широкого развития культуры язык восточных славян отличался фонетическим, грамматическим и лексическим единством на огромной территории его распространения... Следовательно, язык Киевской Руси XI–XII ст. можно изучать по многочисленным письменным документам. Они в определенной степени отражали живой язык русского населения того времени»¹². «Древнерусский язык далек от специфики современных украинских говоров, и нужно поэтому признать, что словарь последних во всем существенном, что отличает его от великорусских говоров, образовался в позднейшее время»¹³.

А вот цитата другого украинского ученого: «В связи с формированием древнерусской народности, складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе»¹⁴.

А вот с 1991 г. именитые самостийные профессора и академики доказывают, что на Руси в XI–XIII веках было два языка – разговорный (естественно, украинский!) и книжный (древнерусский или церковнославянский). А профессор И.П. Ющук доказывает, что устных языков было тоже два: «Детей князей, бояр, воинов, купечества, священников учили в этих школах не языку смердов, а церковнославянскому (староболгарскому) языку, на котором были написаны книги. Одни овладевали им лучше, другие – хуже, но уж между собой, чтобы отличаться от простонародья, общались если не на чистом церковнославянском языке, то на церковнославянско-украинском суржике». Не многовато ли четыре языка для бедных киевлян?

Украинский историк Анатолий Железный¹⁵ в своей книге «Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине» едко высмеял лингвистов-самостийников: «А вот теперь рассмотрим подробнее теорию украинских филологов о широком распространении украинского языка уже во времена Киевской Руси, который, по их утверждению, был господствующим и явился основой всех разновидностей славянских языков. Действительно ли уже тогда украинский язык существовал, или мы имеем дело с результатом предвзятого толкования древних письменных источников?

Существование церковнославянского и древнерусского языков ни у кого сомнений не вызывает, так как сохранилось достаточно много древних текстов, написанных на этих языках. В то же время науке не известен ни один достоверно древний, подлинный документ на украинском языке. Украинские филологи вынуждены объяснять этот крайне неудобный для них факт тем, что в те времена будто бы считалось неприличным и разговаривать и писать на одном и том же языке, поэтому люди между собой разговаривали на украинском языке, а когда брали в руки перо, то те же самые мысли записывали на том или ином письменном языке – церковнославянском или древнерусском (видимо, в зависимости от настроения).

В таком случае возникает вполне законный вопрос: если украинский язык не зафиксирован ни в одном древнем документе, то как же украинские филологи догадались о его существовании?

Для доказательства того, что наши далекие предки – жители Киевской Руси разговаривали на украинском языке, была придумана весьма оригинальная теория, которую я назвал бы “Теорией описок и ошибок”, или “Теорией рассеянных писарей”. Ее смысл заключается в том, что будто бы древние писари, которые писали и переписывали книги и прочие тексты, абсолютно случайно, нечаянно, невольно, вследствие своей невнимательности и рассеянности, иногда допускали описки и ошибки, и вместо тех слов, которые им диктовали или которые были в переписываемых оригиналах, употребляли совсем иные, хотя и одинаковые по смыслу слова. Делали они так будто бы потому, что в повседневной жизни привыкли разговаривать на украинском языке и поэтому при рассеивании внимания случайно вписывали “украинизмы”. Вот эти-то вкравшиеся “украинизмы”, по твердому убеждению наших филологов, будто бы неопровержимо доказывают подспудное существование устного простонародного украинского языка. Вот такая очень убедительная теория!

Странно, однако, выглядит эта писарская “рассеянность”: меняя лишь форму слова, писари почему-то старались сохранить его смысл в точном соответствии с текстом.

Нетрудно заметить, что вся система доказательств в этой “теории” базируется на полной, безоговорочной уверенности в том, что мы имеем дело с действительно случайными описками и ошибками и что сделаны они именно в те древние времена, а не столетия спустя при переписывании. И вся эта тщательно выпестованная “теория” мгновенно рушится, как только мы узнаем, что построена она на анализе не подлинных древних документов, а лишь их позднейших копий!..

.....Продолжим рассмотрение “Теории описок и ошибок”. Представьте себе такую картину: сидит писарь, ему диктуют какой-то текст, а он из-за своей невнимательности вместо церковнославянских или древнерусских слов время от времени пишет “украинизмы”. Не странно

ли? Или иначе: писарь снимает копию, скажем, со “Слова о полку Игореве”. Вот он дошел до фразы “На второй день с самого утра кровавые звезды рассвет предвещают...” Тут мысли у него смешались, и он неожиданно для себя старательно вывел: “Другаго дни велми рано кровавые зори свет поведают...”

Давайте же наконец будем реалистами: рассеянность ли была причиной появления “украинизмов”? И почему эти так называемые “украинизмы” так странно похожи на полонизмы?

Нет, панове украинские филологи. Не было на самом деле никаких писарей, пораженных болезнью массовой рассеянности. Были люди, тщательно и вполне квалифицированно выполнявшие свои профессиональные обязанности. Переписывая старые тексты, они совершенно сознательно (а не по рассеянности) заменяли устаревшие слова, вышедшие уже из употребления, на современные, но одинаковые по смыслу слова, изменяли форму некоторых слов, меняли отдельные буквы и вносили другие изменения и уточнения в соответствии с правилами современного выговора и современной грамматики. Словом, старались по возможности осовременивать старые тексты для того, чтобы сделать их полностью понятными читателю. “Появлялись литературные редакции того или иного памятника... редактировался язык рукописей, при этом часто на полях к тем или иным словам делались глоссы (лексические, словообразовательные), которыми при дальнейшем переписывании текста заменялись устаревшие или малопонятные слова” (Г.С. Баранкова. О начале русской книжности. Русская словесность. №. 1993. С. 27)....

...Василь Яременко утверждает, что в “Повести временных лет”, созданной в XI – начале XII ст. “...украинская лексика льется сплошным потоком” (с. 493). И в качестве примера приводит вот такие слова: жыто, сочэвиця, посаг, вабыты, пэчэра, вэжа, голубнык, стриха, рилля, мыто, пэрэкладаты, вино...

А теперь, в полном соответствии с изложенной здесь версией о формировании украинского языка в XV–XVII веках как следствия полонизации славянорусского языка, открываем польский словарь и читаем: *zyto* (рожь), *soczewica* (чечевица), *posag* (приданое), *wabić* (манить, привлекать), *pieczora* (пещера), *wieza* (башня), *golębnik* (голубятня), *strych* (чердак), *gola* (пашня), *myto* (плата, пошлина), *przekładać* (переводить), *wiano* (приданое)...

Неужели кому-нибудь все еще не ясно, откуда появились в нашем языке все эти “украинизмы”?»¹⁶.

Глава 3

Хан Батый – «дедушка» независимых республик

В 1237–1238 гг. Северо-Восточная Русь подверглась нашествию орды Батыя. Подробности нашествия достаточно хорошо изложены в литературе, в том числе и в моей книге «Русь и Орда» (М.: Вече, 2004). Поэтому здесь я остановлюсь лишь на ряде вопросов, касающихся последующего раздела Руси.

Говоря о масштабах «Батыевой рати», не следует впадать в крайности. С одной стороны, десятки русских городов лежали в развалинах, причем многие из них более никогда не восстанавливались, как, например, Рязань, или были восстановлены спустя три столетия, как, например, Воронеж. Остатки многочисленных сожженных в XII веке городов современные археологи даже не могут идентифицировать с названиями городов, упоминаемых в летописях до 1238 г., а затем исчезнувших навсегда.

Однако десятки других городов уцелели. До одних городов татары просто не дошли, как, например, до Господина Великого Новгорода и его северных земель, другие города сумели договориться с татарами – Нижний Новгород, Смоленск, Ярославль, Кострома и др.

В марте 1238 г. на реке Сити татары разгромили русское войско и убили великого князя Юрия Всеволодовича и его сыновей. В свою очередь, брат Юрия Ярослав Всеволодович и его сыновья не приняли участия в борьбе с татарами и все уцелели.

Согласно летописи, узнав о гибели великого князя, старший после него брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, а брату Ивану – Стародуб (Северный).

Тут я предлагаю читателю взять в руки обычную географическую карту и калькулятор. Татары взяли Владимир 7–8 февраля 1238 г. Битва на реке Сить произошла 4 марта. Риторический вопрос: сколько могли лежать в столице Северо-Восточной Руси неубранные трупы? Некому убирать было? Так кого же тогда приехал «утешать» Ярослав?

Резонно предположить два варианта. По первому Ярослав приехал во Владимир до битвы на Сити или через неделю после нее, то есть в середине марта. В таком случае он вообще не собирался ехать на Сить, а ехал занимать великий стол.

Второй вариант: Ярослав из-за каких-то неотложных дел капитально задержался и узнал о битве на Сити в Киеве или по дороге. Но и тогда встает вопрос, а как он доехал до Владимира? Ведь по летописным данным татары повернули у Игнатьева креста в апреле 1238 г. Да и без летописи ясно, что распутица в 100 км от Новгорода раньше апреля не начинается. Так что в районе Козельска татары были в мае, а то и в июне.

А теперь посмотрим на карту. Козельск расположен почти по прямой Киев – Владимир, причем от Киева он в полтора раза дальше, чем от Владимира. Татарское войско было велико и по Руси шло завесой. Так как мог Ярослав в марте – июне 1238 г. проехать эту завесу насквозь из Киева до Владимира? Да и зачем ехать в разоренный город, бросив огромный богатый Киев, к которому летом 1238 г. могли подойти татары?

Вывод напрашивается один, пусть нам неприятный, но единственный, способный снять все вопросы, – Ярослав как-то договорился с татарами. Он знает, что они не пойдут на Киев и его не задержат татарские отряды по пути во Владимир. Тогда становится понятным, почему Ярослав по прибытии во Владимир и пальцем не пошевелил, чтобы организовать отпор татарам, а занялся административно-хозяйственной деятельностью.

Любопытен и еще один момент. Ярослав Всеволодович бросает Киев, на который татары нападут еще только через два года, и едет в разоренный Владимир. Это хорошо показывает, что

политический и экономический центр Руси уже давно сместился из Киева в Северо-Восточную Русь.

Осенью 1240 г. татарские рати появились под Киевом. Командовал ими по-прежнему Батый. Как и в 1237–1238 гг., в составе татарского войска было несколько тысяч болгар под началом Гази Бараджа.

Татары установили многочисленные осадные орудия перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами Киева, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Через несколько дней ворота были разрушены, и татары ворвались в Киев. Свыше суток бой шел внутри города. Последние защитники дрались насмерть у Десятинной церкви в самом центре Киева. 6 декабря татарам удалось, используя пороки (тараны), разрушить церковь, и сотни горожан погибли под ее обломками.

Киев горел. Позже археологи раскопали несколько сгоревших домов со скелетами внутри, причем среди скелетов были и «монгольские»¹⁷.

Падение Киева навело панический страх на русских князей. Михаил Всеволодович вместе с сыном Ростиславом побежал в Польшу к князю Конраду Мазовецкому, а Даниил Романович с сыном Львом – в Венгрию. Следует заметить, что и часть населения Юго-Западной Руси также спасалась бегством в эти страны.

После Киева татары двинулись по Волыни. Первым они осадили город Ладыжин¹⁸ на Буге. Город был хорошо укреплен. В течение нескольких дней 12 пороков безуспешно долбили в его стены. Тогда татары начали льстивыми словами уговаривать горожан сдать Ладыжин, те поверили, сдались и были все истреблены. Потом татары взяли Каменец, Владимир, Галич и ряд других городов. Уцелела лишь одна непреступная крепость Кременец.

Затем татары двинулись в Центральную Европу.

В 1242 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович побывал в ставке Батыя. По словам летописца, хан принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе».

В 1245 г. Ярослав Всеволодович вновь поехал в Орду к хану Батыю, а затем отправился дальше в Монголию к великому хану Гуюку, сыну покойного Угедея.

Официальные историки утверждают, что Ярослава заставили туда ехать. А вот кто его заставил? Батый? Очень сомнительно, чтобы сюзерен отправил своего вассала к своему врагу. В Средние века это было не принято. Наоборот, существовал принцип: «вассал моего вассала – не мой вассал».

Остается предположить, что Ярослав хотел как-то сыграть на внутриордынских противоречиях. На обратном пути из Каракорума в 1246 г. Ярослав Всеволодович умирает. То ли организм не выдержал долгого пути, то ли имело место отравление – этого мы не узнаем никогда.

Когда на Руси узнали о смерти Ярослава, владимирский престол «по старинке» занял следующий по старшинству брат Святослав Всеволодович.

Однако в 1247 г. власть в Великом княжестве Владимирском захватывает пятый сын Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит. Через год Хоробрит погибает в битве с литовцами.

Сразу после захвата престола Михаил, его дядя Святослав, племянник Дмитрий, братья Александр Невский и Андрей отправились в Орду жаловаться на Михаила Хоробрита, и каждый, разумеется, мечтал получить владимирский стол. Причем Александр с Андреем ездили даже в Каракорум. В результате Александр получил Киев и южнорусские земли, а Андрей – Владимир. Причина, почему младший брат Андрей получил намного больше старшего Александра, историкам не ясна. Так, историк В.Т. Пашуто полагал, что регентша Огуль-Гамиш, вдова хана Гуюка, была настроена враждебно по отношению к Батыю и, поскольку считала, что Александр имел слишком тесные связи с Золотой Ордой, поддержала Андрея¹⁹. Выдвигались и другие гипотезы. Дошло до утверждения, что старая ханша влюбилась в красавца Андрея.

Святослав Всеволодович с сыном Дмитрием вернулись из Орды с пустыми руками. Далее летопись молчит об их судьбе.

В начале 1249 г. Андрей и Александр Ярославичи вернулись на Русь. Андрей сел на великокняжеский престол во Владимире, но Александр принципиально не захотел ехать в Киев. После Батыева погрома не было восстановлено и десятой части города. Мало того, как писал итальянский путешественник Плано Карпини, проезжавший через эти места в 1246 г., Канов²⁰, находящийся в 90 верстах от Киева, стал уже татарским городом. Так что кормиться князю и его дружине в Киеве было нечем, да и в любой момент могли нагрянуть татары.

В итоге Александр Невский несколько месяцев погостил у брата Андрея во Владимире, а потом отъехал в Новгород.

Можно только гадать, как повернулась бы история Руси, если бы Александр Невский, вместо того чтобы затевать свары с братом за Владимирский стол, отправился в Киев. Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения.

А что же происходит на юге Руси после 1240 г.? Советские учебники, от школьных до вузовских, давали единую формулу: «Польско-литовские феодалы, воспользовавшись ослаблением Руси после нашествия Батыя, захватили западные и южные русские княжества». Это обычная «совковая» ложь. Говоря о «совковой» (или советской) лжи в истории, я говорю не о вождях большевиков (у них и своих грехов предостаточно), а о «советской исторической школе». В СССР до предела было централизовано управление экономикой, внутренней и внешней политикой и т. д., но в историю наши вожди, как правило, не лезли, а лишь указывали общее направление. Так что во всех конкретных глупостях, вранье, передергивании фактов виновны исключительно наши академики и профессора.

Начну с того, что термин «польско-литовские феодалы» можно применять разве что с начала XVII века, а для 1240 г. это была, мягко выражаясь, нелепица. Литовцы были достаточно агрессивны, но в первые три десятилетия после нашествия Батыевой рати их столкновения с русскими шли с переменным успехом. Польша была раздроблена на удельные княжества не меньше, чем Русь, и вдобавок вела кровопролитные войны с Тевтонским орденом, литовцами и венграми.

Вопреки мнению советских историков личность правителя достаточно часто играла решающую роль в развитии страны. Галицко-волыньские земли пострадали от нашествия Батыя не меньше, чем Северо-Восточная Русь. Тем не менее храбрый воин и мудрый политик князь Даниил Галицкий не только отразил поползновения венгров и ляхов на свои земли, но и быстро перешел к тактике войны «на чужой территории и малой кровью». Войска венгерского короля Бэлы были разбиты в 1249 г. близ города Ярославля (в Галиции), и, чтобы избежать вторжения русской рати, король выдал свою дочь за Даниилова сына Льва.

Войска Даниила неоднократно вторгались в польские пределы. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», Даниил умело пользовался усобицами в Польше и в союзе с одними польскими князьями громил других.

После смерти австрийско-штирийского герцога Фридриха, не оставившего мужского потомства, между венгерским королем и императором Священной Римской империи начался спор за его земли. Даниил Галицкий поддержал свояка Бэлу и двинул войска в Австрию. Одновременно князь действовал и иными методами.

Дочь покойного Фридриха Гертруда отправилась за поддержкой к королю Бэле. Там она познакомилась с другим сыном Даниила Галицкого Романом. В 1254 г. состоялась свадьба Романа и Гертруды. Русско-венгерское войско взяло город Носельт. Однако из-за предательства союзников

Даниилу не удалось овладеть Австрией. Роман Даниилович и Гертруда несколько месяцев провели в городе Нейбурге недалеко от Вены, но были изгнаны оттуда богемским королем Оттокаром, женатым на другой дочери Фридриха. Ну что ж, поражение поражению рознь. На

мой взгляд, поражение под Веной стоит победы над пятью десятками тевтонских рыцарей и двумя сотнями чухонцев на льду Чудского озера. Как заметил летописец, ни один русский князь никогда не заходил так далеко на запад, как Даниил.

В апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую бумагу великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. В начале 1246 г. Карпини побывал во Владимире Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батю. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на закахенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время Крестовых походов прошло. Да и в XI–XII веках Крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и другим с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с Римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подать мне помощь?», – велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганых». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.²¹ в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу

за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы, просто «надо ведь было что-то сказать».

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

А теперь перейдем к «литовским феодалам».

В 40-х годах XIII века среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали уособицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войска не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братии».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына – на Слоним, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русские полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с Орденom, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, не долго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было лъстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал Орден из врага союзником, и теперь уже князь Товтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмуди и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новгородскую область, а Василько с племянником Романом Данииловичем взяли Городен.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Воишелк. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде [Новогрудке], будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Воишелк – христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Воишелк и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним, Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Воишелк хотел пробраться в Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогрудком он основал свой монастырь.

Таким образом, королю Даниилу удалось снова утвердиться в волостях, занятых было литовскими князьями. В середине XIII века полоцкие князья Изяславичи уступили свои волости Литве. Последним полоцким князем был Брячислав, его имя встречается в русской летописи в 1239 г. по случаю брака его дочери и князя Александра Невского. А в 1262 г. в летописи уже фигурирует полоцкий князь литвин Товтивил – сын сестры Миндовга.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Воишелк и Товтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На выручку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Василько. Чем кончилось дело, как освободили Романа – неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами напал на его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека – одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1261 г. король Миндовг в очередной раз поссорился с Орденом. Для начала он приказал схватить всех христиан в Литве, причем часть их при этом была убита. Видимо, пострадали только католики, поскольку православных немецкие хронисты не считали христианами. В том же году Миндовг вступил в союз с Александром Невским, которого немецкие хронисты величали королем. Однако по ряду причин синхронного совместного удара по Ордену не получилось. Русские и литовцы действовали порознь и в разное время. Тем не менее литовцы осадили Венден. А русские под командованием князя Дмитрия, сына Александра Невского, сожгли орденский город Дорпат (он же Дерпт, бывший русский город Юрьев), но не смогли взять замок.

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, – у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то что она была уже замужем за нальщанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», – и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзеру. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Дов-

монт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать.

Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Воишелк узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу – мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Воишелку, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк вновь прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королем становится его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В Литве же сложилась любопытная ситуация. Воишелк в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид, и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну. Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Воишелка покняжить еще совместно, но тот решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Воишелка-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Воишелк вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился поссориться с братом Шварна королем Львом Данииловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Василько во Владимир Волынский, где старый советник князя Даниила немец Маркольд позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили.

К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Воишелк – в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Воишелку приехал Лев и

предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, по пьянке рассорились, дошло до драки с поножовщиной, и Лев убил Воишелка.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол. Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279) – князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Король Лев Даниилович не уgomонился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногая помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединился родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестьем», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошел в волынские земли у Берестя (Бреста). Поляки разорили с десятков сел и пошли назад. Но жители Берестя во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими – детьми Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату – бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Юльвовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостию бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на рука да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берестю, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостию бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и крепко пожал ее. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал радостную весть: «Брат велел тебе сказать: приготавлийся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла.

Вскоре город был взят, разграблен и сожжен, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге.

Как видим, стенания «совковых» историков о нехорошем поведении польско-литовских феодалов, напавших на Западную и Южную Русь после Батыева нашествия, мягко говоря, неуместны. Наоборот, рати Даниила Романовича гуляли по Польше и Австрии, и нелепая случайность не позволила включить Литву в королевство Даниловичей.

Глава 4

Литовская Русь

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над «i»: сведений о Литве до середины XIII века ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 годом.

По мнению литовских историков, слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва – это небольшой район между реками Нерис, Вилия и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огонь» – Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали.

Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяркунас, западные славяне называли его Перкунос, а восточные – Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения – буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива – божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян – Милка) и скотский бог Велиас (у славян – Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира Святого.

На русские земли нападали как литовские князья, так и небольшие группы латрункулей, то есть профессиональных разбойников. Русские князья действовали достаточно пассивно и походы в Литву совершали в основном для того, чтобы вернуть награбленное. Впрочем, не исключено, что ряд пограничных литовских племен платили дань русским.

В начале XIII века крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду – они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько межплеменных союзов. Тем не менее в летописях с 1240 по 1292 г. упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV веке, в литовских летописях появляются сведения, что-де литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический братец отправился из Рима на север, там родил трех сыновей – Барка, Куноса и Спера, и вот от Куноса-де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении, по крайней мере, части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича²². Существует и еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя.

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедимин. Происхождение его неизвестно. Однако он был талантливым полководцем и дипломатом. В 1320 г. Гедимину удалось захватить город Владимир Волынский, принадлежавший Галицкому королевству. Замечу, что в войске Гедимины этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими – полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедимин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедимин, собрав литовские, жемайтийские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке

Ирпени, войско Гедимины было встречено дружинами короля Льва Юрьевича, его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени галицкое войско потерпело страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедимин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедимину.

Гедимин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедимину двинулся крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедимин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев.

«И слышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедимину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули.

И князь великий Гедимин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время великий князь киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедимином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти великим князем рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был великим князем рязанским». («Хроника Быховца».)

Сведения о взятии Гедимином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков, начиная с XIX века, как, например, М.С. Грушевский²³, В.Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедимины с волынскими князьями из-за Подляхьи. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедимины.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но в любом случае Гедимину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре²⁴, который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король

Владислав Локеток (1305–1333) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от римского папы провозглашения крестового похода на «схизматиков»²⁵. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х годах XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Еще в начале 1340 г. бояре составили заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во

Владимире Волынском. Большинство средневековых авторов сходится на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III, сыну Владислава Локетка, в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львовских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Галичину свои войска, но они были остановлены на границе галицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами наносит контрудар по Польше и доходит до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта²⁶, которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре

надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. И так, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ей правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х годах XIV века Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х годов XIV века. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его преемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Саноцкую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х годах XX века многие литовские и украинские историки стали утверждать, что-де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю»²⁷.

С начала XIV века в состав Великого княжества Литовского постепенно входят земли западной, центральной и южной

Руси. Я лишний раз подчеркиваю, что литовская экспансия началась в XIV веке, а не сразу после 1240 г., как вещали царские и советские историки. Шестьдесят лет – это жизнь двух поколений!

В 1307 г. литовский князь Витень изгоняет тевтонских рыцарей из Полоцка, и там в 20-х годах XIV века правит полоцкий князь Воин, брат Гедимина.

В 1319 г. литовский князь Гедимин захватывает древний русский город Берестье (Брест).

На следующий год литовцы занимают Витебск. Замечу, что в 1281–1297 гг. Витебское княжество было в вассальной зависимости от смоленских князей. Последний витебский князь Ярослав Всеволодович, внук великого князя владимирского Андрея Ярославича, умер в 1320 г., не оставив мужского потомства, поэтому княжество перешло к князю Ольгерду, женатому на Марии, дочери Ярослава Всеволодовича.

В 1323 г. к Литве была присоединена Черная Русь (Поднеманье) и Поляшье (Подлесье).

В середине XIV – начале XV века к Литве отходят несколько небольших княжеств, образовавшихся в середине XIII века после распада Черниговского княжества: Брянское, Новгород-Северское, Рыльское, Путивльское, Новосильское и т. д.

Почему же маленькая дикая Литва сумела захватить русские земли, в несколько раз превосходившие территорию, где жили этнические литовцы? И советские, и националистические историки Украины, Белоруссии и Литвы сводят дело к татарскому фактору. Первые, как я уже говорил, утверждали, что-де татары так разорили Русь, что она не могла сопротивляться, а националисты утверждают, что, мол, русское население видело в литовцах освободителей от татарского ига.

Обе точки зрения не выдерживают элементарной критики. Начну с того, что Полоцкое, Брестское и другие княжества Западной Руси пострадали от татар куда меньше, чем Вла-

димиро-Суздальские земли. Тем не менее великие князья владимирские сумели в XIII–XIV веках дать отпор и литовцам, и Тевтонскому ордену, и шведам.

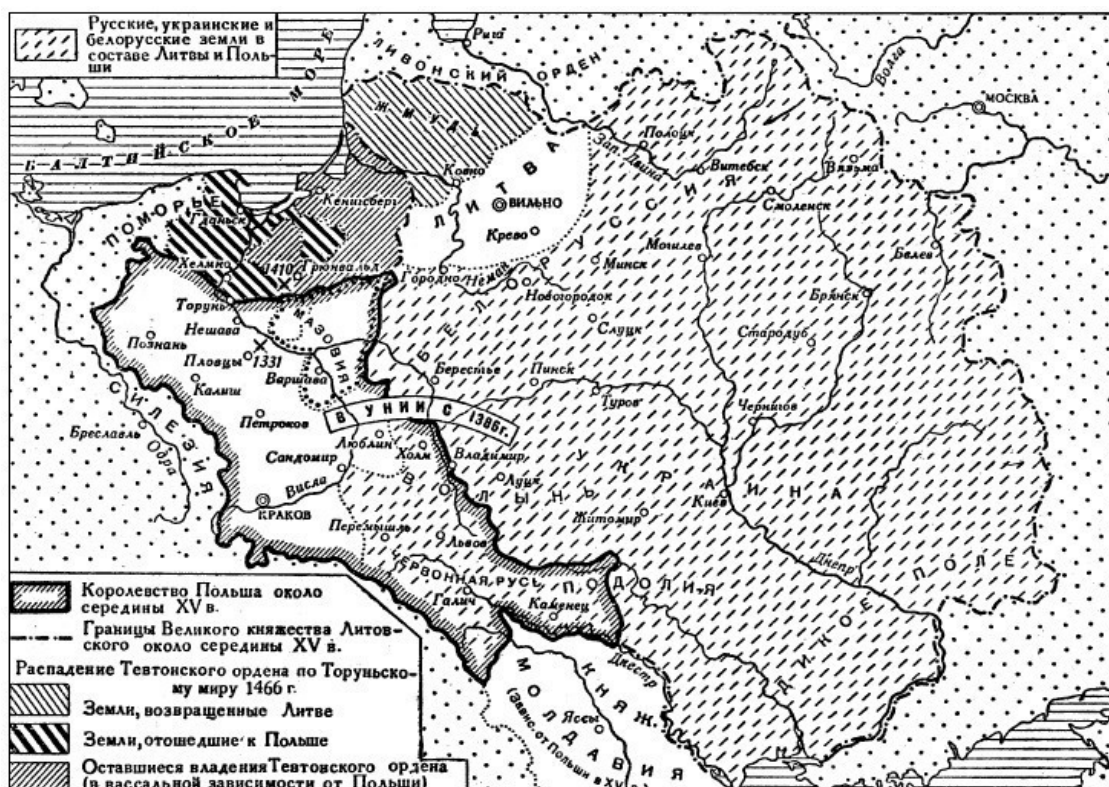
Что же касается мнения националистов, то захваченные литовцами русские земли продолжали платить дань Золотой Орде. Только теперь это делали не местные князья Рюриковичи, а литовские князья. Так, к примеру, летописец сообщает о выплате в 1362 г. (!) Орде дани с Киевской, Черниговской и Волынской земли.

Так как и почему русские земли вошли в состав Великого княжества Литовского? Начну с того, что документальных сведений событий XIV века в захваченных Литвой землях до нас дошло крайне мало. Тем не менее можно примерно обрисовать процесс перехода русских княжеств под власть Великого княжества Литовского.

Как уже говорилось, Великое княжество Владимирское еще в середине XIII века буквально плюнуло на западные и южные русские земли. Дети, внуки и правнуки Александра Невского непрерывно воевали между собой за владимирский престол. Предел их мечтаний – выбить побольше денег из Господина Великого Новгорода, отправить побольше дани и подарков золотоордынскому хану и выпросить у него ярлык на владимирский стол. Между тем все великие князья владимирские, в том числе и Иван Калита, считали себя и князьями киевскими, но это была лишь пустая формальность, делами своей «отчины» они никогда не интересовались.

Литовские князья были смелыми и опытными полководцами, а их дружины хорошо закалены непрерывными войнами с тевтонскими рыцарями. Естественно, жители русских городов были заинтересованы иметь такого князя в качестве защитника.

Вопреки мнению советских ученых никакого закабаления русского народа «литовскими феодалами» попросту не было. В присоединенных к Литве русских княжествах происходила лишь замена князей Рюриковичей на литовских князей Гедиминовичей. Как писал советский историк Н.М. Иванов: «Явление это напоминает появление на Руси несколькими столетиями раньше Рюриковичей».

Польша и Литва в XIV–XV веках

В ряде случаев литовцы оставляли на престолах и князьях Рюриковичей, ставших вассалами Великого княжества Литовского. У литовских князей около 80 % жен были княжны Рюриковны.

Не только литовские князья, но и их дружинники быстро научились говорить по-русски. Нет никаких данных о переселении этнических литовцев на захваченные русские земли. Мало того, процент этнических литовцев в дружинах великих князей литовских и их вассалов, княживших в русских землях, в течение XIV века неуклонно падал, и в начале XV века литовцы там не составляли и пяти процентов.

Литовские бояре и дружинники, приехавшие вместе со своими князьями в русские города, женились на русских и обрусевали в первом или втором поколении.

Официальным языком Великого княжества Литовского был... русский, а вся документация велась на кириллице, поскольку литовцы вообще не имели своей письменности.

Некоторые проблемы возникали с религией. Дело в том, что население этнической Литвы было убежденными язычниками. Литва крестилась в конце XIV – начале XV века, то есть литовцы стали последним в Европе народом, принявшим христианство.

Однако литовские князья не только не пытались принудить русских принять язычество, но даже не пропагандировали его. Мало того, литовские князья начали исповедовать двоеверие, а то и троеверие. Причем речь идет не о попытках сочетать христианские обряды с языческими, как это было, скажем, на Руси в XI–XII веках. Литовские князья в русских землях соблюдали все православные обряды, а, переезжая в Литву, немедленно становились язычниками. А при необходимости, например, заключая договор с крестоносцами или поляками, принимали католичество, что, впрочем, никак не отражалось на выполнении ими православных и языческих обрядов. Большинство князей Гедиминовичей были крещены по православному обряду.

Великий князь Гедимин (годы правления 1315–1340) имел две официальных жены. По одной версии, первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии, первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедимины была одна или даже обе жены русскими, означает, что он принял православие: выдача князей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедимин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

Гедимин имел семерых сыновей²⁸: Монвида (ум. 1340), Нариманта (1277–1348), Ольгерда (1296–1377), Кейстута (1298–1381), Корьята (ум. 1390), Любарта (1312–1397) и Евнута (Евнутия) (1317–1366).

Формально все сыновья Гедимины были крещены и имели православные имена, так, Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно²⁹ «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедимины женились на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыйские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

В XIX веке среди русских историков был в ходу афоризм: «Победила не Литва, а ее название». Таким образом, с начала XIV века до середины XVI века на огромной территории от Бреста до Вязьмы и от Торопца (на севере) до Киева существовало русское православное государство, именуемое Великим княжеством Литовским.

Глава 5

Люблинская уния и полонизация Малой и Белой Руси

В конце 60-х годов XVI века усилилось движение польских панов за создание единого государства с Великим княжеством Литовским. Сейчас «самостийные» белорусские историки утверждают, что-де создание польско-литовского государства стало реакцией народов этих стран на агрессию Ивана Грозного. Споры нет, война с Москвой сыграла в этом определенную роль. Но московский вектор Люблинской унии не был решающим. Русско-литовская война несколько лет велась вяло, а четыре года перед самой унией не велась вообще. Армия Ивана Грозного по тактике полевого боя и по вооружению заметно отставала от армий западных государств. Москве в ходе Ливонской войны приходилось одновременно действовать против шведов в Эстляндии, крымских татар на юге, турок в Астрахани и т. д. Наконец, террор психически нездорового царя, в том числе уничтожение десятков самых лучших русских воевод, серьезно ослабил русскую армию³⁰. Так что ни Россия, ни страшный Иван не угрожали в 1568 г. ни Польше, ни Литве. Кстати, это мы сейчас знаем о чудовищных расправах Ивана над своими подданными. А польские и литовские паны через несколько лет после унии пожелают видеть Ивана... своим королем.

Куда ближе к истине тот же С.М. Соловьев: «Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решением вопроса о вечном соединении Литвы с Польшей, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»³¹.

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл³² и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов, «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии, Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство – Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иностранными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская – в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам – местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»³³.

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей». От Польши, «как от собственного тела», она была отторгнута и присоединена к Великому княжеству Литовскому Владиславом Ягайло, который сделал это потому, что правил одновременно и Польше, и Литвой.

Фактически акты Люблинского сейма 1569 г. явились конституцией нового государства – Речи Посполитой. Как писал В.А. Беднов: эти акты, «с одной стороны, подтверждают всем областям Великого княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польшей богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной, сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло привести к страшным расстройством и опасным для государства замешательствам»³⁴.

Возможно, кому-то слова православного священника и профессора богословия Варшавского университета о веротерпимости в Речи Посполитой во второй половине XVI века покажутся странными, если не сказать жестче. На самом же деле он прав. Вот два достаточно характерных примера из жизни Речи Посполитой того времени. Константин Константинович Острожский был не только одним из богатейших магнатов, но и одним из светских идеологов православия в Речи Посполитой. Однако женат он был на католичке Софии Тарновской, дочери краковского каштеляна. Его сын Януш тоже стал католиком. Зато одна дочь вышла замуж за кальвиниста Криштофа Радзивилла, а другая – за Яна Кишу, сторонника социан.

А возьмем того же Юрия Мнишка, которого наши историки называют фанатичным приверженцем католицизма. Действительно, пан Юрий был католиком, но одна его сестра вышла замуж за краковского воеводу – кальвиниста Яна Фирлея, другая – за арианина Страдницкого, сам Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой также были ариане.

Попробую подвести, наконец, итоги. Начну с того, что дала Уния русскому населению? Именно русскому, поскольку никаких белорусов и украинцев к 1569 г. в Великом княжестве Литовском не было. Был один язык, одна культура, одна религия, один митрополит, одни обычаи и т. д. Так вот для русского населения ничего плохого в текстах Люблинской унии не было. Наоборот, она подтверждала их прежние права. И трудно сказать, в каком направлении пошла бы история Восточной Европы, если бы польские короли строго выполняли все параграфы люблинских актов 1569 г. Но польские паны тем и отличались, что любили принимать хорошие законы, но органически не желали исполнять ни хороших, ни плохих законов.

В результате Люблинская уния вопреки всем ее актам стала началом католической агрессии на русские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Увы, этого русские люди не могли предвидеть даже в страшном сне, поэтому и князья, и шляхта, и духовенство пассивно отнеслись к принятию унии.

Наступление на православных и протестантов католики начали еще до принятия унии. Но пока наступление шло в области идеологии и просвещения. Попытка силовым способом навязать католицизм, безусловно, привела бы к кровавой междоусобице и гибели Речи Посполитой.

Епископ виленский Валериан Проташевич, один из идеологов борьбы с диссидентами³⁵, обратился за советом к кардиналу Гозиушу, епископу варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов,

посоветовал то же самое и Проташевичу. Тот последовал совету, и в 1568 г. в Вильно был основан иезуитский коллегий под управлением Станислава Варшевицкого.

Вскоре в Польше и Литве возникли десятки иезуитских школ. Молодое поколение подверглось жесткой идеологической обработке. В ответ православные иерархи не смогли создать школы, привлекательной для детей шляхты, не говоря уж о магнатах. С конца XVI века началось массовое окатоличивание и ополячивание русской дворянской молодежи. Зачастую православные родители не видели в этом ничего плохого: чтение итальянских и французских книг, западная мода, западные танцы – почему бы и нет? Страшные последствия полонизации западных и южных русских земель начнут сказываться лишь через 100 лет.

Хотя формально Литва и Польша стали единым государством, но присоединение Киевской земли к Польше создавало условие для ее более быстрой полонизации. Причем, если в Белой Руси большинство помещиков были потомками русских князей и бояр, то в Киевские земли устремились сотни польских панов, начавших закабаление ранее свободных крестьян. Все это привело к появлению языковых и культурных различий, которые позже дали повод националистам говорить о двух народах – белорусском (он же литвинский и т. д.) и украинском (то есть украх и др.).

Для Московского государства заключение Люблинской унии означало переход всех литовских претензий к Польше. Замечу, что официальные прямые контакты Польши с великим князем владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 г. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя литовского. Как писал историк и дипломат Вильям Похлебкин: «... став вновь соседями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»³⁶.

7 июля 1572 г. умер Сигизмунд II Август, которого польские историки именуют последним из Ягеллонов, хотя он был потомком Ягайло лишь по женской линии.

В первой половине XVII века началось и ополячивание Малой и Белой Руси. В XX веке как большевики, так и украинские националисты будут утверждать, что к началу XVII века сформировались украинская и белорусская народности, украинский и белорусский языки. Но, увы, фактов, подтверждавших это, нет, и никогда не использовался термин «Украина» в качестве альтернативного обозначения Малой Руси.

Как уже говорилось, к XII веку все земли, входящие в состав Киевского государства, от Перемышля до Курска и от Канева до Белого моря называли однозначно Русью или Русской землей. После фактического распада Киевского государства на отдельные княжества способом обозначения принадлежности населения той или иной «земли» становилось название, производное от названия города, являвшегося административным центром данной земли (так называемые урбанизованные политонимы), – «ростовцы», «новгородцы», «галичане» и т. д. В таких названиях, разумеется, отражалось сознание не этнического, а территориально-политического единства. В пользу именно такого их понимания говорит и то обстоятельство, что население более мелких единиц, входивших в состав земли – отдельных уделов или административных округов, обозначалось подобным же образом.

Количество земель было сравнительно небольшим – Черниговская, Переяславская, Киевская и Рязанская на юго-востоке; Галицкая и Волынская на юго-западе; Полоцкая, Смоленская, Новгородская на северо-западе; Ростово-Суздальская на северо-востоке. Тем не менее все эти земли считались русскими.

Вот, к примеру, в договоре 1316 г. галицко-волынских князей Андрея и Льва Юрьевичей с Тевтонским орденом эти князья носят титул «*duces totius terre Russiae, Galicie et Ladimirie*». Их преемник Болеслав Юрий Тройденевич в договоре с Тевтонским орденом 1325 г. именовался «*dei graciae dux Russiae*». В грамотах Андрея Юрьевича краковским и торунским купцам

1320 г. он фигурирует с титулами «*dux ladimiriensis et dominus terrae Russie*», «*dux Ladimirie et dominus Russie*». В договоре 1352 г. между польским королем Казимиром и Литвой сказано: ««городов оу Роуской земли новых не ставити», упоминается «Русь, што Литвы слушаеть» и «Русь, што короля слушаеть», говорится, что делать, «аже побегнет русин а любо руска». В более позднем договоре 1366 г. указывается, что судьи короля должны судить «полянина по польскому закону... а русским судиям судити... и вину взяти по русскому закону».

Таким образом, и власти, и население Галицко-Волынской земли продолжали отождествлять себя с Русью.

Особый интерес представляет «Список русских городов дальних и ближних», составленный около 1396 г. в канцелярии митрополита всея Руси Киприана. Особенность этого памятника состоит в том, что в нем русские города поделены на ряд территориальных объединений, наделенных особыми названиями.

Примером может служить помещенный в нем перечень «волынских градов». Перечень охватывал территорию Галичины, Волыни и части западной Белоруссии (Пинск, Брест), соответствуя границам Галицко-Волынской Руси второй половины XIII – начала XIV века. Таким образом, для составителей списка как бы не существовал факт раздела этого политического образования между Великим княжеством Литовским и Польшей.

Русские города в «Списке...» были разделены по географическому принципу, а не по принадлежности к Великому княжеству Литовскому, Польше и Великому княжеству Владимирскому.

Анализ «Списка русских городов» показывает, что еще и в конце XIV века Великое княжество Литовское не воспринималось в кругах близких к митрополии как нечто единое: наряду с «Литовской землей» здесь выделялись земли «Киевская» и «Волынская». Подобные представления были не чужды и составителям летописных сводов, создававшихся на Севере Руси в первой половине XV века, а, вероятно, и их источникам. Так, в Псковской первой летописи читаем, что Ольгерд в 1341 г. привел с собой во Псков «моужии своих литовков и мужии видьблян», под 1343 г. здесь же упоминается «гость псковский в Полтеске или в Литве». Таким образом, даже в рамках «литовских градов» «Списка» северорусские современники отличали собственно «Литву» и русские земли, в состав «Литвы» не входившие.

С этими свидетельствами следует сопоставить запись в Новгородской первой летописи под 1335 г.: «Бысть пожар в Руси: погоре город Москва, Вологда, Витебско». Здесь Витебск – один из городов «Литовской земли» – рассматривается как часть «Руси», подобно Москве или Вологде. Сходные высказывания можно встретить и позже. Так, автор «Повести о Едигее» отметил, что во время описываемых им событий Витовт владел «всею землею Киевскою и Литовскою». Во Псковской второй летописи под 1422 г. указывалось, что псковские послы, не застав Витовта в «Литовской земли», поехали «за Киев в Луческ великий».

Теперь перейдем к происхождению терминов Малая, Белая и Великая Русь. Начнем с того, что такое деление страны свойственно и другим славянским народам. Те же поляки делили свою страну на Великую и Малую Польшу, но почему-то сейчас никому не приходит в голову требовать независимости для Малой Польши, а жители Малой Польши не считают себя униженными и оскорбленными и не пытаются ввести новое название своей земли.

Впервые термин «Малая Русь» появился в византийских актах XIV века в связи с хлопотами галицко-волынского князя Юрия Львовича о создании особой митрополии для его владений с центром в Галиче. Поэтому в одном из византийских документов середины XIV века и называются «епископии Малой Руси, находящиеся в местности, называемой Волинью». Термином «Волянь» в источниках XIV века обозначалась как раз территория Галицко-Волынской Руси. Разграничение, проведенное в связи с церковным разделом, проникло затем и в светские источники, отсюда и титул последнего галицкого князя Болеслава Юрия «*dux totius Russiae mynoris*».

В противовес Галицко-Волынской Руси вся оставшаяся территория Руси, оставшаяся по-прежнему под управлением общерусского митрополита с резиденциями в Киеве и во Владимире, получила название «Великой (или Большой) Руси».

В начале XIV века для владений литовских князей была создана особая «литовская» митрополия. В 1361 г. кандидату литовского князя Ольгерда на митрополичий стол Роману решением патриархии были переданы «литовские» епископии и епископии «Малой Руси». В Рогожском летописце в этой связи было отмечено, что Роман был поставлен «на землю Литовскую и на Волыньскую».

При новом разделе митрополии в 70-х годах XIV века связанный с литовским двором митрополит Киприан стал митрополитом «Литвы и Малой Руси», то есть территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, а оставшаяся территория, продолжавшая называться «Великой Русью», отошла к кандидату московских князей Пимену.

Появление в византийских источниках XIV века в связи с разделами общерусской митрополии терминов «Великая» и «Малая Русь», а также «Литва» было связано с разграничением политических зон влияния в Восточной Европе. Термин «Великая Русь» лишь к концу XIV века стал совпадать с будущей великорусской территорией, а термин «Малая Русь» никогда не совпадал с границами будущей украинской территории.

Термин «Белая Русь», как писал доктор исторических наук Борис Николаевич Флоря³⁷, впервые появляется в сочинении византийского хрониста второй половины XV века Лаоника Халкокондила. Такие города, как Москва, Тверь, Киев, он относит к «Черной» Сарматии (так хронист называет Русь), а территорию Новгородской земли обозначает как Сарматия «Белую».

В источниках второй половины XIV – начала XV века, связанных с деятельностью Тевтонского и Ливонского орденов, Новгородско-Псковские земли устойчиво именуются «Белой Русью». Территория на север от Новгорода на ряде географических карт XV века обозначена как *Russia Alba* в противоположность лежавшей южнее *Russia Negra* – название, относившееся одновременно к территориям и Великого княжества Литовского, и складывавшейся Московской Руси. В «Повести» Симеона-суздальца Василий II именуется «белым царем всея Руси». В рассказе так называемого «Свода 1479 года» о том же событии упоминается «большее православие и вышшее христианство Белые Русь».

Все это показывает, что интересующие нас термины, хотя и редко, встречаются и в восточнославянских источниках. По-видимому, и здесь «Белая Русь» употребляется в значении «Великая Русь», тем более что и сам этот термин (правда, как внешний, используемый иностранцами) имеется также в «Повести» Симеона: «Славна бо земля та и фрязове зовут ея Великая Русь».

Несколько слов стоит сказать и о термине «Украина». Как писал князь А.М. Волконский в статье «Историческая правда и украинофильская пропаганда»: «Русское слово “украина” (польское *ucraina*) означает “пограничная земля” (по-итальянски *paese di confine*); русское прилагательное “*ucrainij*” означает “то, что лежит у края, близ грани” (*presso il bordo*: *presso* – у, *bordo* – край). Очень знаменательно это значение слова, ибо ясно: то, что именуется Украиной, не есть нечто самостоятельное; такое название может быть дано известной местности лишь извне, правительством или народом, рассматривавшим эту местность как некий придаток к своему государству. И действительно, для Литвы киевские земли стали украиной (южной) со времени завоевания их ею в конце XIV века; для Польши – украиной (восточной) со времени объединения Литвы и Польши во второй половине XVI века; для Московской Руси – украиной (юго-западной) со времени присоединения Малороссии в середине XVII века. Вряд ли наименование Украина найдется в памятниках ранее конца XIV века. У Московской Руси были и другие украины – те земли, которые лежали у границы донской и нижеволжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта (насколько вообще можно говорить о

степной границе в XIV–XVII веках) постепенно, ценой тяжких столетних усилий, подвигалась на юг; соответственно менялись и земли, к которым прилагалось название украинских. Заметим, что прилагательное “украинный” применяется вовсе не только к Южной России: классический “Толковый словарь русского языка” Даля (издание 1865 г.), объясняя это слово, приводит такие примеры: “Сибирские города встарь зывались украинными. А город Соловецкой место укроинное...”

Читаем в Новгородской летописи под 1517 годом: “По королеву совету Жигимонтову приходиша крымские татарове на великого князя украину около города Тулы... без пути начаша воевати”. В 1580 году вследствие тревожных известий государь распределяет, “как быть воеводам и людям на берегу [то есть по Оке] по украинским городам от крымские украины и от литовской” (Древняя российская вивлиофика. XIV, 368). В 1625 году из Валуек (на юге нынешней Воронежской губернии) пишут, что чают “приходу татар на наши украины”; об этой опасности царская грамота тотчас же сообщает воронежским воеводам (Книги разрядные. 1, 1063, 1106, 1133; Воронежские акты. 1851. 1, 120). Подчеркнутые имена дают представление о постепенном продвижении московской границы за эту сотню лет на юг. Подобные цитаты можно было бы привести в изобилии.

*Во сибирской во украине,
Во даурской стороне... —*

начинается народная песня про реку Амур, то есть песня, сложившаяся не ранее конца XVII века».

Сейчас националисты Украины и Белоруссии отчаянно спорят, на каком языке говорило население Великого княжества Литовского в XIV–XVI веках – на украинском или на белорусском? Обе стороны согласны, что их язык был государственным на территории Великого княжества Литовского.

«Самостийники» не понимают анекдотичности своих утверждений. Что же получается? Объезжает, к примеру, великий князь литовский свои владения, и в Минске ему приходится разговаривать по-белорусски, в Вязьме – по-русски, а в Киеве – по-украински?

На русском языке была написана и знаменитая «Хроника Быховца», а когда в XVII веке кириллица была запрещена на территории Речи Посполитой, хронику переписали тоже по-русски, но латинскими буквами.

В 1588 г. был принят Литовский Статут – нечто типа конституции Великого княжества Литовского. Он был написан на... русском языке. Правда, теперь белорусские историки утверждают, что язык был белорусским, а украинские историки – что украинским. Таким образом, сами националисты подтверждают, что в конце XVI века в Малой и Белой Руси был единый язык и нетрудно догадаться, какой.

Кстати, Статут подтвердил и государственность русского языка на территории Великого княжества Литовского: «А писар земский маеть по руску литерами и слолвы рускими вси листы, выписаны и позвы писати, а не иншим языком и слова»³⁸.

В Кракове в Ягеллонской часовне к 1917 г. еще можно было прочесть надпись кириллицей на русском языке, датированную по одной версии 1459 г., а по другой – 1470 г. Все документы 1595–1596 гг., связанные с Брестской унией, также написаны на русском языке.

Характерный факт – литовские послы, приезжавшие в Москву, свободно, без переводчика, общались с боярами и дьяками. Впервые, и то для затягивания переговоров, литовские послы потребовали переводчика в конце XVI века, мотивируя это тем, что у московитов много новых слов появилось, им неведомых.

А вот еще любопытный пример. В 1564 г. князь Андрей Курбский бежал в Литву. Царские и советские историки считали его изменником. Однако князь реализовал лишь древнее

право боярина на свободный отъезд от своего сюзерена. Но любопытно другое, что до сих пор скрывают от нас уважаемые профессора, – куда князь попал по ту сторону рубежа? Он попал в общество православных князей, в беседах с которыми ему не приходилось обращаться к «Русско-украинскому словарю».

И еще один маленький вопрос – на каком языке печатались первые книги в Москве и в Великом княжестве Литовском? На беду всем самостийникам, знаменитый Иван Федоров печатал книги в Москве, Заблудове³⁹, Львове и в Остроге (на Волыни). Я не буду говорить об экстремистах, болтающих о каких-то особых народах – украх и литвинах, но даже благонамеренные советские историки говорили, что к середине XVII века уже сформировались белорусская и украинская народности. К примеру, в «Истории Украинской ССР»⁴⁰ говорится, что в XII–XIII веках прошел первый этап формирования украинской народности, а с XIV века по середину XVI века – второй этап.

И вот в начале «третьего этапа» Иван Федоров приезжает в Западную Белоруссию и на Западную Украину и начинает печатать русским шрифтом те же книги, что и печатал в Москве. Тот же русский шрифт, тот же русский язык – не знал бедный Федоров, что в Заблудове и Львове уже кончался второй этап белоруссизации и украинизации.

Между прочим, русский шрифт, которым Иван Федоров начал печатать книги в Москве, не был его изобретением. В 1491 г. немецкий студент Рудольф Борсдорф изготовил по заказу краковского печатника Швайпольта Филя «русский шрифт». В том же 1491 г. и вышли две первые печатные книги на русском языке – «Осмогласник» и «Часослов». Они распространялись как в Великом княжестве Литовском, так и в Великом княжестве Московском.

В 1574 г. в Львове Иван Федоров печатает «Азбуку». Чью азбуку? Понятно, что русскую! Заметим, что якобы украинское слово «друкарня» тогда равно использовалось в

Москве, Минске и Львове. А чуждым русскому языку словом «типография» мы обязаны Петру I и любимым им немцам.

В 1561 г. монах Исаия из города Каменец Польский отправился в Москву за оригиналами книг на русском языке, чтобы печатать их «слово в слово»: «...в нашем государстве христианском руском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому, да и русскому московскому»⁴¹.

Не я, а монах Исаия, князья, шляхтичи и попы XVI века твердят нам одно и то же: в Великом княжестве Литовском и в Великом княжестве Московском был один народ – русский, а у советских ученых и щирых самостийников в ушах бананы застряли.

Другой вопрос, что в Львове и на Волыни в русский язык в конце XVI века начинают проникать полонизмы, и князь Андрей Курбский решительно выступил против использования «польской барбарии».

Еще в конце XIV – начале XV века в русском языке Великого княжества Литовского появляются термины «паны», «рада» и т. д. Причем панами называли и литовцев-католиков, и православных князей и дворян.

Точно так же язык москвичей обогащался десятками татарских слов. Замечу, что в XV веке речь москвичей гораздо больше отличалась от языка новгородцев, чем, скажем, от языка жителей Смоленска – подданных Великого княжества Литовского.

Увеличение различий в языке Великого княжества Литовского и Московской Руси в XIV–XVII веках – вещь вполне естественная и никак не связанная с формированием двух или трех наций. Возьмем, к примеру, Южную и Северную Корею. Там что, два народа, две нации? А между тем в 2002 г. был издан словарь для перевода с северокарейского на южнокорейский языки, насчитывающий 50 тысяч значений, имеющих различные наименования на севере и на юге Кореи.

В 1619 г. известный писатель и публицист Литовской Руси Мелетий Смотрицкий (1578–1633) издал русскую грамматику, по которой учились все образованные люди России, включая М.В. Ломоносова. (А может, Ломоносов изучал белорусский или украинский языки?)

И лишь в 1696 г. (!) ослабели позиции русского языка как государственного. В этот год конференция сословий Речи Посполитой постановила, чтобы в делопроизводстве Великого княжества Литовского все решения составлять на польском языке. А затем и сейм Речи Посполитой постановил: «Писарь должен не по-русски, а по-польски писать»⁴².

Процесс полонизации неплохо описан в воспоминаниях поляка Фаддея Булгарина, предки которого были русскими боярами: «При бедности государственной, короли были рады, что богатое духовенство, владея огромными поместьями, приняло на себя воспитание юношества; но когда с восшествием на престол Сигизмунда III иезуиты овладели почти исключительно воспитанием, прежний свет в Польше померк.

...Иезуиты систематически истребляли истинное просвещение, и помрачали даже здравый рассудок, на основании правила Омара, сжегшего Александрийскую библиотеку!.. Основанием иезуитского воспитания был самый иступленный религиозный фанатизм, безусловная преданность папской власти, интолеранция (нетерпимость других исповедей) и пропаганда, т. е. распространение католицизма. Иезуиты и их достойные воспитанники ненавидели всех христиан не римско-католической веры и не признающих папу главой церкви, и почитали их ниже мусульман, евреев и даже идолопоклонников.

...Почти вся Литва и лучшее Литовское шляхетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдалили от занятия всех важных мест в государстве, и стали приманивать в католическую веру знатную православную шляхту – пожалованием старост, ленных и амфитеутических имений, и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство мало-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру...»⁴³.

Через Польшу русское дворянство получало всю информацию из Европы, научную и художественную литературу, новинки моды и т. д. В итоге к середине XVII века все русское дворянство на территории Речи Посполитой полностью ополячилось.

В первой половине XVII века приняли католичество не только предки Ф.Б. Булгарина, но и все знатные семейства – потомки Гедиминовичей и Рюриковичей. Возьмем, к примеру, знаменитый православный род Вишневецких. Константин

Иванович Вишневецкий, присягая в 1569 г. Унии, просил короля от имени всех волынских магнатов «не принуждать их к другой вере». А вот его сын Константин Константинович по наущению иезуитов в 1595 г. перешел в католичество, а в 1605–1618 гг. был активным участником интервенции в Россию. Юрий Михайлович Вишневецкий, староста камецкий, Каштелян киевский, перешел в католичество в 1600 г. Наконец, знаменитый носитель православия Иеремия (Михаил) Вишневецкий был соблазнен иезуитами в 19 лет и перешел в католичество в 1631 г.

Уже к концу XVII века русское дворянство полностью растворилось в польском. Потомки древних русских родов вообще не знали русского языка, а общались по-польски и по-французски. Наконец, частые браки с польскими дворянами также способствовали полному растворению русской аристократии среди поляков.

Глава 6

Феномен Богдана Хмельницкого

Итак, начиная с середины XVII века в Речи Посполитой осознают себя русскими и православными лишь крестьяне, часть мещанства в городах и казачество. Казаки в Малороссии делились на реестровых, находившихся на службе польского короля, и запорожцев, являвшихся независимой военной силой.

В XX веке и советские, и националистические историки, подтасовывая и перевирая факты, исказили историю казачества. Первые доказывали, что действия казаков были исключительно элементом классовой борьбы крестьян против феодалов, а вторые утверждали, что как запорожские, как и реестровые казаки представляли собой особый класс украинского народа, который боролся за национальную независимость «вильной Украины» в границах 1991 г.

Как видим, цели у «совков» и националистов были разные, а мифологию они создавали примерно одинаковую.

Замечу, что и в России кое-кто пытается объявить донских казаков особым народом. С тем же успехом можно объявить народом и поморов, и потребовать для них государственного суверенитета. На самом деле в XV–XVIII веках запорожские казаки считали себя русскими, говорили и писали по-русски с небольшими вкраплениями местных выражений, то есть можно говорить о говоре запорожцев, а точнее – «сленге». Запорожские казаки часто уходили на Дон, и наоборот, донские – на Днепр, и никто никого не считал иностранцами.

Прием в запорожские казаки был очень прост – надо было правильно перекреститься и говорить по-русски, все равно, на каком диалекте.

В XVII веке ни в Белой, ни в Малой Руси никто не думал о национальной независимости и создании собственного государства. Хлопы мечтали стать запорожским «лыцарством» или реестровыми казаками, казаки хотели стать помещиками, а казацкие старшины – крупными магнатами, причем такими же независимыми, как и польские паны.

Польские же паны жили «по понятиям», на уровне мелких среднеазиатских ханов. Причем беспредел польские магнаты творили не только по отношению к крестьянам и казакам, но и по отношению к дворянам, владевшим землями в Малороссии, причем независимо от их этнического происхождения и вероисповедания. В итоге детонатором большинства казацких восстаний становилась обида, нанесенная магнатом шляхтичу или представителю казацкой верхушки.

Перечислю лишь наиболее крупные восстания:

1591–1593 гг. Украинский шляхтич Кристоф Косинский поднимает казаков и крестьян. Восставшие захватывают города Белая Церковь, Триполье, Переяслав, Богуслав и осаждают Киев.

1594–1596 гг. Восстание поднимает казацкий атаман Северин Наливайко. Летом 1595 г. восставшие овладевают Слуцком, Бобруйском, Могилевым и др. Восстание охватило огромный район от Запорожской Сечи до Могилева и от русской границы на востоке до Луцка и Кременца на западе. Лишь в мае 1596 г. польским войскам удалось подавить восстание. Сам Наливайко был казнен в Варшаве 1(11) апреля 1597 г.

И пошло-поехало... Вся первая половина XVII века – это казацкие восстания с небольшими перерывами.

Однако бесчинства магнатов не только не прекращаются, но и принимают все больший размах. Вот, к примеру, крупный магнат Иеремия Вишневецкий в 1643 г. захватил у городельского старосты А. Харлезского городище Гайворон с окрестными селами, присоединив их к своим огромным заднепровским владениям. В следующем году он отобрал у надворного мар-

шала А. Казановского город Ромны «с волостью», кроме того, в разное время занял над реками Оржицей и Хоролом «наимней 36 миль».

Польский шляхтич чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский в 1645 г. напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось чотыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника. Богдан недавно овдовел и вроде не прочь был жениться еще раз. Скорее всего, причиной налета и был спор из-за бабы, а не из-за копен хлеба. К тому же Чаплинский велел высечь плетью десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер. Самого Богдана Чаплинский чотыре дня держал в цепях, но потом отпустил.

Богдан Хмельницкий с десятию казаками в январе 1646 г. прибыл в Варшаву и лично бил челом королю Владиславу на обидчиков своих.

По сведениям московского лазутчика Кунакова, бывшего в то время в Варшаве, старик Владислав посетовал Хмельницкому на свое бессилие перед беспределом панов. Король одарил казаков сукнами, а Хмельницкому, кроме того, подарил саблю со словами: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле».

Задам риторический вопрос – могло ли быть такое в России, что при Алексее Михайловиче, что при Петре I или Екатерине II? Да физически быть не могло! И не только в России, но и в любом сильном централизованном европейском государстве. Беспредел магнатов – это свидетельство слабости государства и предвестник его гибели.

Богдан правильно понял короля. Он отправляется в Сечь, собирает там казаков, вступает в союз с крымским ханом Ислам Гиреем II. Весной 1648 г. запорожцы и татары вторглись во владения Речи Посполитой, чем положили начало многолетней кровопролитной войны.

Войско Хмельницкого в 1648–1651 гг. активно действовало на правом берегу Днепра. В 1651 г. его войско осаждает Львов и Замостье.

Одновременно отряды казаков под командованием Головацкого, Гладкого, Голоты и других атаманов вели операции на территории Белой Руси. К ним присоединялись местные крестьяне и мещане. Восставшие заняли Гомель, Лоев, Брест, Бобруйск, Мозырь, Пинск, Туров, Речицу, Кобрин, Чечерск и другие города и местечки на юге и юго-востоке Белой Руси. Жители этих городов почти не оказывали сопротивления восставшим. Зато «из литовских городов из всех паны, и державцы, и урядники и ляхи, и жида все выбежали с женами и з детьми з Днепр в королевские города...».

Поляки направили в Белую Русь 24-тысячное войско. При взятии Пинска поляки убили более трех тысяч мещан и членов их семей. Подобная же расправа произошла и при взятии Бреста. В Турове всех жителей, не успевших уйти с казацкими отрядами, гетман Я. Радзивилл приказал перебить. В Чечерске он приказал 150 казакам отсечь «правые пути по запястья, а 50-де человек на колья посажали, а достальных-де казаков и их жен и детей порубили всех».

Жители Бобруйска без сопротивления открыли ворота города. Но и это их не спасло. По приказанию Радзивилла восьмистам горожанам отрубили руки. Кроме того, «постинал 50 человек, на паля повзбился 100 человек, и такую де невинную кровь пролил без ума, для своей корысти».

С 1648 по 1653 г. Россия держала строгий нейтралитет в войне казаков с поляками, несмотря на многочисленные прошения Хмельницкого о приеме Малороссии в русское подданство.

Потерпев несколько поражений от поляков, Богдан Хмельницкий пришел к выводу, что ему нужен сильный союзник в борьбе с Речью Посполитой. Крымский хан уже в счет не шел – казаки убедились, что татар кроме грабежа ничего не интересуется.

Поскольку Москва по-прежнему отказывалась принимать Украину в свое подданство, Хмельницкий отправил послов к турецкому султану. И вот в 1651 г. Махмед IV признал Украину и запорожцев своими вассалами, пожаловав им тот же статус, которые имели Крым, Молдавия и Валахия.

Надо ли говорить, что православное население Украины не желало считать себя подданными басурманского царя, а запорожцы к тому же лишались своего основного промысла — добычи «зипунов» у татар и турок. Споры нет, Богдан страдал запоями, и, судя по фамилии, алкоголизм у него был наследственный, он был склонен к резким поступкам, но в этом случае гетман решил лишь поугубить Москву. И, надо сказать, его замысел полностью оправдался. Алексей Михайлович и его бояре поверили, что гетман решил податься к туркам и начали форсировать мероприятия по возможному соединению Украины с Россией.

Осенью 1653 г. в Москве был созван Земской собор. На Соборе было решено удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского и принять православный украинский народ «под высокую руку» русского царя. 1 октября при закрытии Собора царь Алексей торжественно заявил, что Россия будет вести войну с Польшей, если последняя будет удерживать Малороссию силой.

31 декабря 1653 г. царское посольство прибыло в Переяслав. А незадолго до этого Хмельницкий разослал по всем казацким полкам универсал с указанием прибыть в Переяслав на великую раду представителям казачества, горожан, духовенства и других слоев населения. Все выборные должны были прибыть в начале января 1654 г.

Вечером 7 января 1654 г. (по старому стилю) у Богдана Хмельницкого с полковниками, судьями и есаулами состоялась тайная рада, и все собравшиеся единодушно «под государеву высокую руку поклонились». После тайной рады в тот же день была назначена и явная.

Гетман стал посреди круга, войсковой есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить: «Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим. Тут которого хотите выбирайте!»

Исход выборов был предрешен заранее: толпа закричала: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!»

Однако в церкви во время церемонии принятия присяги у Хмельницкого с Бутурлиным возник конфликт. Казацкая старшина требовала, чтобы боярин дал за царя присягу казакам, как это делали польские короли. Бутурлин категорически отказался: «Польские короли поданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят».

Хмельницкий был раздосадован, но делать было нечего.

Решение Переяславской рады не могло не вызвать большой русско-польской войны. Русские войска заняли Минск, Гродно, Вильно (с 1939 г. Вильнюс) и вышли к Бресту. Сложившаяся обстановка крайне благоприятствовала русским войскам. В конце 1655 г. шведские войска

вторглись в пределы Речи Посполитой и заняли Познань, Краков и Варшаву. Польский король Ян-Казимир бежал в Силезию.

Царь Алексей Михайлович, которого отечественные историки почему-то именуют Тишайшим, на самом деле был очень тщеславным человеком. К тому же в то время царь был под жесткой опекой фантастически честолюбивого и властного патриарха Никона. Царь Алексей уже считал себя властителем Волыни, Подолии, всей Белой Руси и всего Великого княжества Литовского. Мало того, царь и патриарх всерьез думали о присоединении и остальных земель Речи Посполитой.

Шведский король Карл X Густав предложил царю поделить Речь Посполитую. Это было почти идеальное предложение для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась шведам. В любом случае России потребовалось не менее 20–40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо польское панство – еще та публика!

Увы, рассудок покинул царя, и он предъявил шведам заведомо невыполнимые требования.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом Петра Потемкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потемкину был направлен большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло – он благословил казаков не более не менее как идти морем к Стокгольму и захватить его.

Мало того, Алексей и Никон, не джуже разбираясь в обстановке на Украине, начали с ходу закручивать гайки. Надо ли говорить, что малороссийские старшины, да и простые казаки не затем поднимали бунт против ляхов, чтобы становиться московскими холопами.

Разумеется, какая-то унификация системы управления на Украине по образцу Москвы должна была произойти. Но делать это следовало лишь после окончания войны и крайне медленными темпами.

В результате значительная часть украинской шляхты и казачества выступили против царских войск. Шведская армия еще в Тридцатилетней войне закрепила за собой звание лучшей в Европе. Шведы без труда поколотили воинство Тишайшего.

Шведская авантюра Тишайшего провалилась, и 21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источниках – Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, по которому Россия уступала Швеции все свои завоевания в Прибалтике.

Однако война с поляками продолжалась. Боевые действия носили весьма ожесточенный характер. Это дало возможность русо-фобствующим историкам Белоруссии утверждать, что-де москали учинили «геноцид белорусского народа». Даже сравнительно умеренный историк П.Г. Чигринов пишет: «В Беларуси погибло 52 процента населения, т. е. каждый второй житель. В восточной ее части – каждые 80 из 100 человек. Многие были выселены в Московское государство... Количество населения Беларуси сократилось с 2,9 млн человек до 1,4 млн. В таких поветах, как Полоцкий, Витебский, Мстиславльский, пустовало до 70 % крестьянских изб. В смолевичском имении Радзивиллов, расположенном недалеко от Минска, до войны было 16 деревень с 1087 домами. В 1664 г. осталось только 216 домов»⁴⁴.

Однако винить русские регулярные войска в гибели белорусского населения надо в последнюю очередь. Польские воеводы считали белорусское население бунтовщиками и, соответственно, творили расправу в чисто «польском стиле». Много народу погибло от казацких сабель. Посланные в Белую Русь отряды Хмельницкого почти не подчинялись русским воеводам и своей главной целью считали «добывание зипунов».

Больше же всего белорусов погибло в ходе «междусобойчиков» литовских феодалов, которые по четыре и более раз переходили со стороны поляков к русским и обратно. Опять же, они не столько воевали, сколько грабили соседей-дворян и местное население.

Аналогичная ситуация сложилась и в Малороссии. После смерти 27 июля 1657 г. Богдана Хмельницкого на Украине за последующие 20 лет сменилось десятка три гетманов. Причем параллельно существовало по два, три и даже четыре гетмана, отчаянно боровшихся между собой за власть. Это время украинские историки называли «Руиной». Действительно, междусобойчики казаков превратили страну в руину. Но вот в отличие от белорусских писак «незалежные» историки не решаются обвинить Россию в «геноциде украинского народа».

Дело в том, что еще 20 (30) января 1667 г. между Россией и Речью Посполитой было подписано Андрусовское перемирие, а русские войска и до него, и после по несколько лет не участвовали в малороссийских «междусобойчиках».

Это дало повод украинским историкам объявить, что в 60-70-х годах XVII века существовала независимая... Украина. Я уже не буду повторять, что термин «Украина» никогда не употребляли ни поляки, ни Москва, ни даже запорожские казаки, которые везде себя именovali русскими. Поляки считали Малую Русь своей собственностью, а Алексей Михайлович – своей.

«В монастыре под Батуриным долгое время хранилась запись одного из архимандритов XVII века. Название ее говорит само за себя: “Руина”, и содержит она описание “деяний и злодеяний гетманов и прочих вождей народа малороссийского”, давая следующий их перечень:

Выговский Иван – клятвонарушение, братоубийство, привод татар на уничтожение народа малороссийского, продажа Руси католикам и ляхам, сребролюбец великий.

Хмельницкий Юрий – клятвопреступник трижды, христопродавец веры и народа ляхам и бусурманам; привод татар.

Дорошенко Петр – мздоимец, лихоимец, клятвопреступник, виновник братоубийства и мук народных от татар претерпленных, слуга бусурманский.

Тетеря Павел – сребролюбец, клятвопреступник и холоп добровольный ляшский. Подстрекатель Ю. Хмельницкого на измену.

Многогрешный Дамиан – раб лукавый, двоедушный, к предательству склонный, временно разоблаченный и кару возмездия понесший»⁴⁵.

Согласно Андрусовскому перемирию, Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр. Причем остававшимся там католикам разрешалось беспрепятственно отправлять свое богослужение у себя в домах, а шляхта, мещане, татары и жида имели право продать свои имения и уйти на польскую сторону.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев – Прилуки – Ромны – Недригайлов – Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей и королевских, и царских. Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Черное море и нарушать мир с турками.

Андрусовский мир был благоприятен для Московского государства, и официальные русские и советские историки давали восторженные его оценки. На самом же деле из-за грубой

ошибки царя Алексея, ввязавшегося в войну со Швецией, был упущен шанс подлинного воссоединения с Украиной. Фактически царь Алексей вернул России то, что отдал его отец Михаил. Севернее Киева по Андрусовскому миру граница пролегла по старой русской границе, существовавшей еще со времен Ивана III и Василия III. Разница была максимум в 20 верст по ширине. Лишь на юге левобережной Украины были присоединены небольшие куски территории в районах Переяслава, Лубны и Полтавы. Замечу, что район Харькова никогда не был под властью Польши и никогда не считался ни Малороссией, ни Украиной.

Но Андрусовское перемирие не дало мира Малороссии. В 1668 г. там было сразу четыре гетмана: Демьян Многогрешный, ориентировавшийся на Россию, Михаил Ханенко, поддерживаемый поляками, и Петр Дорошенко, обратившийся за помощью к турецкому султану. К тому же у запорожцев был еще гетман Петр Суховненко – неопределенной ориентации.

В марте 1672 г. турецкий султан Мехмед IV прислал польскому королю Михаилу Вишневецкому грамоту с выговором, что поляки «беспокоят» владения гетмана Дорошенко, который вступил в число «невольников высокого порога нашего», то есть стал подданным Турецкой империи. Поляки ответили, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный».

Весной 1672 г. турецкая армия перешла Дунай и вторглась в Подолию, на территорию Речи Посполитой. Армией формально командовал сам султан Мехмед IV. Вскоре к туркам присоединилась орда крымского хана Эльхадж-Селим Гирея и казаки Дорошенко. Современники оценивали численность турецкой армии в 300 тысяч человек.

Первым был взят город Каменец, «православные и католические церкви его были обращены в мечети, знатные женщины забраны в гаремы, многие христианские мальчишки обрезаны и обращены в мусульманскую веру; один обрезан был даже в соборной церкви, в присутствии самого султана»⁴⁶.

28 сентября 1672 г. турки взяли Львов и собирались идти на Киев. Ляхи срочно запросили мир. 5 октября в Бугаче (Восточная Галиция) был подписан мирный договор. Польша уступала Турции Каменец с прилегающими землями и признала Петра Дорошенко подданным турецкого султана. Само собой, что ляхи выплатили огромную контрибуцию.

Москва адекватно восприняла угрозу захвата всей Малороссии турками. Возможно, сейчас подобная угроза кому-то покажется странной. Но не следует забывать, что в конце XVII века турецкие войска оккупировали весь Балканский полуостров, захватили Венгрию и периодически показывались под Веной. В Северном Причерноморье туркам принадлежали несколько крепостей, самыми сильными из которых были Азов и Очаков.

Русские войска начали войну против гетмана Дорошенко, крымских татар и турок. На сторону царя встало большинство запорожских казаков.

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться ему как «непобедимому лицарю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты – шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты с черту лицарь?» Заметим, что письмо, опубликованное в конце XIX века русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошем запорожским».

Боевые действия с турками шли с переменным успехом. Турки дважды, в 1672 и 1678 гг., осаждали Чигирин. В конце концов, русские войска вынуждены были уйти из гетманской столицы. Обе стороны устали от войны, и в начале 1681 г. был заключен так называемый Бахчисарайский мир между Россией, с одной стороны, и Турцией и Крымским ханством – с другой. Точнее, это был не мир, а перемирие сроком на 20 лет (начиная с 3 января 1681 г.).

По условиям этого перемирия границей между Турцией и московскими владениями стала река Днепр. Москва обязалась выплатить дань крымскому хану за три последних года (она не выплачивалась из-за войны). Кстати, у нас дань называли подарками (поминками).

По условиям перемирия в течение 20 лет от Буга до Днепра крымскому хану и турецкому султану не разрешалось строить новых городов или восстанавливать старые разоренные города и местечки. Московское же правительство обязывалось не принимать перебежчиков, никаких поселений на упомянутых казацких землях не строить, «оставить их впусе». Запорожские казаки оставались на стороне Московского государства, а «султану и хану до них дела нет, под свою державу их не презывают».

В 1681 г. в Бахчисарае московские послы отдали туркам юг Левобережной Украины, то есть то, что принадлежало полякам по Андрусовскому договору 1667 г. Справедливости ради замечу, что и ляхи, заключив мир с турками 17 октября 1676 г., нарушили этот мир, ущемив интересы России.

Утверждение турок на Левобережной Украине было смертельно опасно для Речи Посполитой. И в 1683 г. ляхи напали на турок. Им удалось отбить Немиров и ряд подольских городков. Поляки пытались втянуть в войну с Турцией и Россию. Но 27 апреля 1682 г. в Москве скончался царь Федор Алексеевич, и началась смута. Тут было не до войны с турками.

1 (12) сентября 1683 г. поляки, немцы и левобережные казаки под командованием польского короля Яна Собеского разбили турок под Веней. После этого турки уже не совались на правый берег Днепра.

26 апреля (6 мая) 1686 г. в Москве был подписан «вечный мир» между Россией и Речью Посполитой. Согласно его статьям, граница между двумя странами в Малороссии от города Лоева шла по Днепру вплоть до впадения в него реки Тясмины.

Итак, «чигиринские войны» России и Турции привели лишь к восстановлению статус-кво, определенного Андрусовским договором. С другой стороны, упорное сопротивление московского войска и казаков Самойловича спасло Украину от турецкой оккупации. Наконец, стоит отметить и третий важный аспект – именно «чигиринские войны» стали первыми из серии конфликтов между Турцией и Россией.

Согласно этому договору, король польский именовался и «Великим князем Литовским и Русским», а русский царь сохранял наименование «самодержца Белой Руси», то есть Белороссии, хотя вся эта страна под наименованием Литвы сохранялась еще за Польшей, и Россия отдала последние участки белорусской территории Польше по Московскому Предварительному Протоколу 1686 г.

Как писал Вильям Похлебкин: «Таким образом, на титулы реальное обладание территориями впервые в истории отношений России с зарубежными странами влияния оказывать не стало. (Это нововведение дипломатии В.В. Голицына.) Однако, чтобы не “смущать” своих подданных, привыкших видеть в титуле точное отражение реальных территориальных прав своих сюзеренов, оба монарха запрещали своим подданным употребление полного титула, который они должны были “забыть”, а получила право употреблять только краткий: “Его Королевское Величество король Польский” и “Его Царское Величество царь всея Руси”. Полные же титулы оставались лишь для письменного, внешнеполитического употребления, имеющего обращение лишь в высших сферах и за границей»⁴⁷.

Россия передала Польше небольшие пограничные территории: районы Невеля, Себежа, Велижа и Посожья. Зато за Россией уже окончательно был закреплен маленький, но очень ценный правобережный анклав – Киев и Печерский монастырь с окружающей его территорией, ограниченной речушками Ирпенью с севера и Стугной с юга и оканчивающиеся на западной окраине окрестностей Киева у местечка Васильково (крайний западный пограничный пункт России до конца XVIII века).

Южнее устья реки Тясмины и до Запорожья территория по левую сторону Днепра принадлежала фактически и формально Войску Запорожскому, которое, согласно мирному договору, ставилось в вассальную зависимость с этих пор только от России и в отношении которого с Россией польский король обязался не вмешиваться.

Глава 7

Похождения Ивана Мазепы

Главным виновником Руины на Украине была ее старшина. Именно ее алчность и вероломство довели Малороссийскую землю до катастрофы. Если бы большая часть старшины честно выполняла условия Переяславской рады, то война бы закончилась уже в 1655 г., а Правобережье вместе с Левобережьем оказались под скипетром русского царя. Крепостное право в Малороссии было введено поляками, и ни один малороссийский гетман от Богдана Хмельницкого до Ивана Мазепы его не отменял и даже не пытался отменить. Так что «свободными хлеборобами» украинцы не стали не из-за русского самодержавия.

Зато от беспредела помещиков и старшин украинские крестьяне, оказавшиеся под рукой Москвы, были застрахованы. Лихие вооруженные налеты шляхтичей (поляков или малороссов) на хутора соседей – явление нормальное как при поляках, так и при гетманах – ушли в небытие уже при Петре I. За это можно было и в Сибирь загребеть, и головы лишиться.

И при поляках, и при гетманах шляхта или старшина была вольна казнить своих холопов. В России же убийство крепостного сурово наказывалось по «Уложению» Алексея Михайловича и более ранними царскими указами. В Польше же право шляхтичей убивать своих подданных было отменено лишь в 1768 г., и то под сильным давлением Екатерины II. Однако в Польше королевские указы и постановления сейма выполнялись, лишь когда они были выгодны шляхте. И в 1792 г. русские войска, занимая имения на Правобережной Украине и в Белоруссии, первым делом спиливали виселицы, расставленные на панских дворах.

Малороссийские гетманы и старшина хотели жить по польским обычаям, то есть числиться подданными какого-нибудь монарха – короля, царя или султана, но быть при этом абсолютно свободными как на местечковом уровне, так и в делах большой политики. Понравилась жена соседа – собрал хлопков, налетели на его хутор, посекал его гайдуков, умыкнул жену и был таков. Предложил соседний король, какой-нибудь Карл, пограбить его противника, и вот гетман, не спросив никого, начинает частную войну. А затем напишет повинную царю или султану, и тот будет вынужден простить.

Следует заметить, что в XVII веке польские паны устроили Руину не только в Малой и Белой Руси, но и в Великой и Малой Польше.

Исходя из текущего соотношения сил и собственной выгоды, польские феодалы то присягали шведам, то возвращались к своему королю. Этническая Польша была разорена, но спустя пару веков панов-изменников будут воспевать господина Сенкевича.

К 1792 г. Екатерина Великая завершила объединение всех земель Малой и Белой Руси, ранее входивших в состав Древнерусского государства. После этого на территории Малой и Белой Руси не велось боевых действий 122 года (до 1914 г.). Четыре поколения малороссов и белоруссов не слышали стрельбы, не видели ни ляхов, ни шведов, ни крымских татар, ни даже налетов вооруженной челяди – разных там полковников, сотников и атаманов.

Сейчас самостийники проклинаят эти 122 года мирной и спокойной жизни. А лучшими временами для Украины объявлен гетманат, то есть та самая Руина. Все гетманы занесены в пантеон борцов за свободу Украины. «В наше время... из тьмы веков проступают все выразительнее величественные тени наших забытых предков, проклятые и опозоренные теми, кто хотел превратить нашу землю в провинцию ужасающей империи, а народ, нацию нашу – в безъязыковое население провинции. И вот они поднимаются из тьмы полей вечности, сильные, честные, великие силой духа, проклятые богатыри земли нашей, как могучие туманные клубы, и мы пристально приглядываемся к ним, к их образам и деяниям, ибо начинаем понимать, что мы без них сегодня слепы и бессильны, ведь жили и действовали они как раз во имя нас»⁴⁸.

Турецкоподданный Дорошенко теперь стал «лыцарем» без страха и упрека: «Талантливый политик, полководец и администратор», отличавшийся «горячим патриотизмом, широким пониманием задач и перспектив борьбы за объединение всех земель Украины в границах соборной и независимой державы»⁴⁹.

«Петр Дорошенко является выдающимся деятелем украинского освободительного движения, патриотом Украины, талантливым полководцем и политиком, который посвятил свою жизнь борьбе за создание независимого единого украинского государства»⁵⁰.

Комментарии, думаю, не нужны. Слава Богу, что в России таких патриотов на кол сажали, а позже к стенке ставили.

25 июля 1687 г. на реке Коломаке состоялась Рада, на которой «вольными голосами малороссийских казаков и генеральской старшины» был выбран гетман Мазепа. Его избранию гетманом сильно способствовал князь В.В. Голицын. Иван Степанович немедленно отблагодарил князя, дав ему

10 тысяч рублей, изъятых у Самойловича.

Ни Самойлович, ни Мазепа не пользовались любовью или даже доверием населения. Даже националист Грушевский писал: «Зная народное неудовольствие и недоверие, они не доверяли даже казакам и наряду с казацкими полками заводили себе наемные полки, из всякого сброда – так называемых “сердюков” и “компанейцев”; просили также у московского правительства московского войска для Украины»⁵¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.